

ОБЩЕЕ ПАРТИЙНОЕ СОБРАНИЕ

**Московского механико-машиностроительного института
им. Н.Э. Баумана**

1 и 4 декабря 1937 г.

Несколько вводных замечаний

Это полные стенограммы, без купюр, правок и комментариев, общего партсобрания МММИ им. Баумана 1 и 4 декабря 1937 г., подтвердившего решение парткома МММИ от 17 октября исключить директора втуза А.А. Цибарта из ВКП(б). Кампания против Цибарта началась после ареста нач. Главного управления учебными заведениями НКТП Д.А. Петровского. 14 декабря последовал арест Цибарта.

Задачи прокомментировать здесь все обвинения мы не ставим. Они анализируются на основной странице. Здесь только самые общие замечания.

Итак, «за скобками» всех обвинительных речей против Цибарта стоит то, что никакие документы, представленные им в свою защиту (после предъявления ему «Выводов партийной комиссии» Кунявского – Ховаха и др.), не могут являться оправданием. Видимо, оправдательные документы Цибарта оказались слишком убедительными. Раз так, «надо читать документы, как коммунисту» (учит бывший парторг Кунявский). Большевик должен быть выше формальностей, и всякие ссылки на факты скорее подозрительны и возмутительны. «Что я считаю главным? Цибарта обвиняли и на партийном комитете, и обвиняем сейчас вовсе не за то, что у него мало или недостаточно исписано бумаги, и что не везде проставлены подписи и печати. И напрасно ты [обращение к Цибарту] думаешь, что этими бумагами можно забаррикадироваться. А за то, что он, в лучшем случае, является об'ективным пособником врагам в их вредительской работе, которую они здесь, в институте, на протяжении целого ряда лет проводили. Известно, что есть два рода документов. Один из них тот, что ты продемонстрировал собранию. Исписанные пачки бумаг. А другой вид документов – жизнь, живые факты и живые люди. О втором-то документе ты соизволил умолчать и ничего не сказать...» (П.М. Зернов), и т.д.

Само наличие преступления сомнению не подлежит: поскольку начальник учебных заведений Петровский – враг народа, то в головном втузе, Краснознаменном МММИ, «вскрыть» вредительство необходимо, а «проводить вредительскую работу» в нем должен был, естественно, непосредственный подчиненный Петровского, «подхалим», вывесивший его портрет в своем кабинете, директор втуза Цибарт.

Состав преступления в этом плане одновременно смутен и ясен: в МММИ все должно быть плохо. Пускай в октябрьские праздники, меньше чем за месяц до партсобрания и уже в разгар травли Цибарта, МММИ в лице того же парткома рапортует партии о своих новых успехах и достижениях, – одно другому не мешает. Первый орден МММИ, звание и знамя лучшего втуза СССР и прочие знаки официального признания института при директорстве Цибарта попросту игнорируются: вредители, как учил Сталин на февральско-мартовском пленуме, и должны демонстрировать успехи и достижения. Это скорее аргумент обвинения. Неважно, что МММИ два раза получал знамя в соцсоревновании, – важно то, что «знамя отобрали» (т.е. МММИ занял 2-е место), и т.д. «Можно говорить так, что "я руководжу хорошо, но работа выходит плохо". Смотря как подходить. С точки зрения Цибарта, об'ективный подход такой, что каждому надо встать на место Цибарта, и тогда ни в одном вопросе не разберешься. Не может же быть, чтобы Цибарт хорошо руководил всей работой, а работа была плохая?» (Кунявский).

Личный мотив преступления Цибарта определяется его «связью с заграницей», т.е. родительской семьей в Польше. «Разве случайно, что у нас взяты Лотоцкий, Говенчик, Лунц? И все они польские шпионы. Это не является случайностью. Я за это могу отвечать чем угодно» (Зернов). Кроме того, немец Цибарт видимо поклонник Гитлера. «Вы мне подробно рассказали содержание книги "Моя борьба". Я думаю, что не читая, нельзя ее рассказать. Вы мне рассказали биографию Гитлера. Я спрашиваю: / – Откуда ты все знаешь, т. Цибарт? / Он говорит: нам, большим работникам, дают читать. / Я заинтересовался этим делом. Видя мою заинтересованность, Цибарт говорит: / – О это Андрей интересные вопросы. Ты бы собрал актив свой, я бы рассказал об этих делах. / Цибарт не хочет руководить кружком, а вот рассказывать биографию Гитлера он найдет время. / Я думаю, что т. Цибарт не откажется от этого, если он честный человек...» (Головинцев). Припоминаются Цибарту также его давние рабочие связи с только что «разоблаченными» «врагами народа» – первыми белорусскими большевиками и крупнейшими советскими деятелями А.Г. Червяковым и В.Г. Кнориным.

Что конкретно в МММИ оказалось, по мнению партийцев, плодом «вредительства»?

Во-первых, не состоявшееся строительство нового корпуса. Строительство отменил НКТП, приказы исходили от ведомства Петровского. Если же, как к тому упорно клонят прокурор-диаматчик Розендорн, доцент Зернов и почти все другие выступавшие, Цибарт с Петровским «вредили» вместе, то и любые подтверждающие инициативу НКТП документы уже не только не имеют значения, но сами по себе становятся подозрительны. Переписка на эту тему Цибарта с ГУУЗ – прямой сговор: «[Цибарт Петровскому:] обманите официально» (домысливает Кунявский) и т.д. Интересно, что сразу после ареста Цибарта партком,

поверивший сгорая в собственный вымысел, обращается в очищенный от «врагов народа» НКТП с просьбой о возобновлении строительства... эту просьбу, естественно, игнорируют.

Во-вторых, бесприкрытый пункт обвинения: хозяйство. С одной стороны, хозяйство в МММИ было в числе лучших в вузах страны, с другой, само собой разумеется, оно отнюдь не было идеальным, поскольку зависело это далеко не только от желания директора и способностей институтских хозяйственников. Разыгрывается этот пункт примерно в таком ключе: «Цибарт говорил: видите ли для того, чтобы покрыть крышу одной нашей лаборатории, нужны были лимиты на железо. Тов. Цибарт выступал с таким заявлением и на отчетно-выборном партийном собрании. Я тогда заявил, что это клевета на Советскую власть, это грязный пасквиль. С каких это пор Советская власть отказывает институту в тонне железа, тогда когда превращается в негодность дорогое оборудование? ... Он безусловно плохой член партии, не понимающий ни стили работы, ни души работы» (Шевяков).

В третьих, «учебно-производственный процесс». Те самые программы и учебные планы, которые в 1934-м году были впервые разработаны в основном в МММИ в качестве образцовых для всех машиностроительных вузов страны, удивительным образом к 1937-му году оказываются «вредительскими» (причем нигде в СССР их, разумеется, не отменяют). И это несмотря на то, что с того же 1934-го года в МММИ действует реальный ученый совет, где в разработке и совершенствовании программ участвуют настоящие ученые института, его «старые», т.е. с еще досоветским стажем профессора, главным образом авторитетнейший И.И. Куколевский. Но для преподавателей из «партийно-пролетарской аспирантуры» этот ученый совет – «говорильня», существующая для «вредительской руки» (Чутуев, Ховах)...

Систематическое вредительство (без кавычек) учебному процессу в вузах СССР, такое как сокращение сроков обучения и бригадный метод (до 1932 г.), запрет семинаров в 1936-м году и т.п., напрямую исходило от высшего советского руководства, но его самым наивным (или бессовестным) образом приписывают Цибарту. Так, Зернов обвиняет директора в 50% неудов, полученных студентами после упомянутого категорического запрета ЦК ВКП(б) и СНК 23 июня 1936 г. семинарских занятий (об этом эпизоде рассказывалось в рубрике «События и успехи 1936 – 1937 гг.»). Винят Цибарта и в недогрузке студентов на последних курсах, при том что тем же постановлением 1936-го года были введены по целому свободному дню в шестидневку для студентов III и IV и по два свободных дня для студентов V-х курсов (это кроме выходных). «Теперь, когда мы имеем перед собой решения февральско-мартовского Пленума ЦК партии, имеем целый ряд статей по указанию товарища Сталина, о том, как работают враги, мне лично товарищи, все эти недостатки кажутся несколько в ином свете. Возьмите учебную программу. Перегруз на первых двух курсах и соответствующий недогруз на последующих двух курсах. Это можно истолковать просто неумением работать. А мне кажется, это делается с явной целью снизить качество выпускаемых специалистов» (Головинцев)...

Неспроста однажды во время выступления Сталина в институте отключилось радио; возмутительно, что на курс паровозов было отведено больше времени, чем на партпросвет – и т.д., и т.п. ...

Еще одна сквозная тема, без знакомства с которой нельзя понять диалогов этого партсобрания. И Цибарт и его оппоненты верят (лучше сказать, условно верят) в существование в институте некой «троцкистской группы» «вредителей», отношение которой к предполагаемым агентам Петровского не проясняется. Эту группу должен был возглавлять арестованный в июле 1937 года М.Г. Кривин, бывший парторгом МММИ в 1931-м году. Как Цибарт (увы), так и его обвинители после ареста Кривина активно записывают в эту «группу троцкистов» друг друга. У Цибарта тут значительно более веские аргументы: действительно, когда Кривин в качестве парторга боролся в институте с «реакционной профессурой» (лучшими «царскими» учеными), Цибарт был его противником, «правым оппортунистом», и чуть не лишился должности, а люди из стана нынешних обвинителей Цибарта – были сторонниками Кривина (Зернов – его заместителем в парткоме). А в 1937-м году доценты П.М. Зернов и М.С. Ховах даже продвигают Кривина, тогда члена ЦК Совконтроля, на место Цибарта. Однако, поскольку судьба Цибарта очевидно была предрешена «сверху», «связь с врагом народа Кривиным» припишут именно ему.

* * *

Тексты зачитываемых на собрании документов в стенограммах отсутствуют. Материалы комиссии Кунявского, которые упоминаются чаще всего, приводятся на основной странице полностью. Также см. на странице отрывки из стенограмм других важных заседаний парткомов и проч.

А. Абелев, 2020

СТЕНОГРАММА

=====

партийного собрания парторганизации Московского Машиностроительного Института им. Баумана
1/XII-1937 года.

Тов. СИМОНОВ.

Товарищи, есть предложение начать собрание. Возражений нет? /Нет/.

На разрешение сегодняшнего партийного собрания предлагается один вопрос: решение партийного комитета о тов. Цибарте. У нас есть и другие вопросы, поэтому есть такое предложение: если мы сегодня рано закончим с первым вопросом, тогда поставим другие вопросы. /Принимается/.

Товарищи, я не буду излагать историю дела, потому, что она достаточно известна всей парторганизации. О тов. Цибарте вопрос был поставлен еще до отчетного собрания. Был он поставлен в связи с докладом бывш. члена партии, заместителя т. Цибарта, Матвеева.

На этом партийном комитете, т. Цибарт, выступая по вопросу о Матвееве, заявил следующее – что он на протяжении шести лет в институте проводил непартийную линию, что он в своей работе не опирался на партийную организацию, что он людей, которые критиковали его, считал своими личными врагами, подхалимничал – я передаю дословно – перед Петровским, причем по его заявлению сделано это в интересах института «с паршивой собаки хоть шерсти клок».

На этом заседании решения никакого принято не было поскольку вопрос о т. Цибарте не стоял.

Позже на партийном собрании, когда слушались итоги пленума ЦК партии, наша партийная организация довольно значительным количеством своих представителей критиковала не партийное поведение т. Цибарта, крупнейшие недостатки в работе института и т.д. Затем на отчетно-выборном собрании точно также и работа т. Цибарта, и его поведение как члена партии были подвергнуты критике, в результате чего, тов. Цибарт не был избран в состав партийного комитета. Партийное собрание в своем решении записало о том, что партийный комитет нового состава всеми вопросами, поднятыми на партийном собрании относительно хозяйственного руководства немедленно занялся бы и добился бы обновления хозяйственного руководства в институте.

Партийный комитет, исходя из этого решения, обсудил эти решения и выделил комиссию, которая занималась расследованием и изучением всех тех вопросов, которые были подняты на партийном собрании и были отмечены в решении партийного собрания.

В процессе своей работы комиссия выяснила следующее /зачитывает постановление комиссии/.

Партийный комитет, решая этот вопрос, вынес следующее постановление /зачитывает постановление парткома от 23/VIII/.

На этом партийном комитете был решен вопрос о снятии тов. Цибарта. Это решение было утверждено ЦК ВКПб в июле мес.

Решая вопрос о партийности тов. Цибарта партийный комитет имел следующие материалы /читает решение парткома от 17/X/.

ЦИБАРТ.

Товарищи, я уже говорил о том, что вопрос относительно Цибарта не есть узкий вопрос о Цибарте, а есть вопрос более широкий. Я постараюсь на этом поменьше останавливаться, потому, что об этом будет иметь суждение комиссия, я надеюсь, – объективное, во всяком случае более объективное, чем имела комиссия под председательством Ховаха.

Первый вопрос относительно строительства. Тут мне пред'являют вину в том, что я не ставил перед Серго Орджоникидзе вопроса относительно оснащения нашего института. А я задам вопрос т. Симонову и другим товарищам: кто же ставил эти вопросы в делегациях к Серго, если не я? Мы не раз ходили с делегацией и в результате нам удалось доказать т. Серго, что надо праздновать столетний юбилей нашего института. И в результате 14 февраля 33 года был издан приказ, который был так озаглавлен: «О мерах дальнейшего развития и укрепления Московского Машиностроительного механического института им. Баумана».

Мне говорят: по этому приказу Цибарт ничего не добился – значит он вредитель. Посмотрим, так ли обстояло дело и как обстоит на сегодняшний день?

13

СТЕНОГРАММА

=====

партийного собрания парторганизации Московского
Машиностроительного Института им. Баумана
I/ХП-1937 года.

Тов. СИМОНОВ.

Центральный архив ФСБ РФ

Товарищи, есть предложение начать собрание. Возражений нет? /Нет/.

На разрешение сегодняшнего партийного собрания предлагается один вопрос: решение партийного комитета о тов. Цибарте. У нас есть, и другие вопросы, поэтому есть такое предложение: если мы сегодня рано закончим с первым вопросом, тогда поставим другие вопросы. /Принимается/.

Товарищи, я не буду излагать историю дела, потому, что она достаточно известна всей парторганизации. О тов. Цибарте вопрос был поставлен еще до отчетного собрания. Был он поставлен в связи с докладом бывш. члена партии, заместителя т. Цибарта, Матвеева.

На этом партийном комитете, т. Цибарт, выступая по вопросу о Матвееве, заявил следующее - что он на протяжении шести лет в институте проводил непартийную линию, что он в своей работе не опирался на партийную организацию, что он людей, которые критиковали его, считал своими личными врагами, подхалимничал - я передаю дословно перед Петровским, причем по его заявлению сделано это в интересах института "с паршивой собаки хоть шерсти клок".

На этом заседании решения никакого принято не было поскольку вопрос о т. Цибарте не стоял.

Прошлый раз тов. Матвеев зачитывал вам этот приказ и дал такое освещение, что весь этот приказ не выполнен, и комиссия тоже констатирует это. Но факты более упрямая вещь, чем это хочется кому то.

Пункт первый и второй, где говорится о подаче топлива нашей лаборатории – выполнены.

Пункт об издании бюллетеня – выполнен.

Пункт третий – центрально-плановому сектору отпустить 750 тыс. рублей на оборудование. По этому пункту мы получили 500 тыс. рублей на оборудование. Не доплатили нам 250 тыс. Почему? Потому, что в пункте 10 говорится, что эти деньги нам должен отпустить центрально-плановый сектор совместно с ГУУЗ'ом, т.е. эти деньги должны пойти за счет ассигнований.

Все таки мы этих 750 тыс. рублей не с'умели под конец года получить и нам перенесли эти деньги на 34 год.

Действовали мы, или не действовали?

Вот документ от 9 декабря 33 года, который я зачитывать здесь не буду, где говорится об этом же. А до этого был документ от мая, где говорилось о том, что мы обращались во все организации, что мы получили только 500 тыс. рублей, что нам не хотят давать деньги отдельно на модернизацию лабораторий, и констатировался факт невыполнения работниками ГУУЗ'а приказа наркома.

Петровский тогда пишет: «от каких объединений нужно это оборудование получать?»

Я вооружаюсь всеми данными, но к сожалению без денег объединения также отказались отпустить это оборудование.

Пункт четвертый: «Главному управлению обеспечить своевременное размещение заказов». Заявки на оборудование Главному управлению мы подавали.

Пункт пятый – относительно подачи образцов оборудования. По этому вопросу мы не раз обращались, заявки подавали, но хозяйственники до настоящего времени говорят: «приказ будем выполнять, но будьте любезны, дайте нам деньги». А для этого нужны кредиты и ассигнования.

Пункт шестой: «проектирующим организациям, на условиях хозрасчета, снабжать проектными материалами». Выполнен.

Пункт седьмой о модернизации. Часть аудиторий модернизирована.

Пункт восьмой – не подлежит оглашению. Тут речь шла о том, чтобы нам получить импортные вещи – паровой автобус и мотовоз. Мы не раз обращались с этим, но все время откладывали и, в конце концов, парового автобуса и мотовоза мы до сих пор не получили.

Пункт девятый – относительно строительства: обеспечить следующее строительство /читает/ ... «Центральному плановому сектору ассигновать 1750 тыс. рублей». Что по этому пункту сделано? Несмотря на то, что приказ был издан 14/II, мы тем не менее сумели добиться того, что были заключены договора с проектирующими организациями, составлены проектные задания по каждой лаборатории, составлен проект всего этого дела, составлен договор с подрядчиком, который взялся за эту работу. И больше того. Мы приступили к заводу материалов, частично закупили материал, и частично начали рыть котлован. Но тут случилось одно дело.

Приказ шел о столетнем юбилее нашего института. Когда этот приказ писался, Петровского не было. В октябре Петровский переворачивает семь [весь] этот вопрос наголову, ставит вопрос так. Речь идет о столетнем юбилее не института Баумана, а речь идет о столетнем юбилее бывшего МВТУ, из которого выросли пять ВУЗ'ов. И появился новый приказ Серго, где говорится о столетнем юбилее МВТУ и созданных на его базе пяти ВУЗ'ах. Я прочту первый пункт, который имеет отношение к строительству. Этот пункт уже средактирован так: /читает/.

Когда так стал вопрос, речь пошла уже о столетнем юбилее не нашего института, а пяти ВУЗ'ов.

Тогда Петровский уже не дает нам денег, а в декабре ставит вопрос таким образом, мы вам денег дать не можем, мы предлагаем вам вместо вашего проекта, который вы начали, тем более, что вы там не много сделали – мы предлагаем вам получить помещение МЭИ. Там имеется площадка <и> здание.

Я был против этого варианта, хотя т. Симонов и говорит, что я выдвигал этот вариант. Но документы говорят как раз обратное – нужно было только их прочитать и посмотреть, что там написано. Поэтому я и захватил такую кучу документов.

Документы как раз говорят о том, что мы категорически возражали против этого варианта.

Во первых здесь имеется соображение, которое я пишу начальнику ГУУЗ'а. Правда, это написано в феврале мес., но у меня есть документы, которые писаны в ноябре и декабре. Мы в этом документе пишем, что нас помещения МЭИ ни в коем случае не устраивают, потому, что мы не сумеем разместить всех наших лабораторий, что целый ряд лабораторий наших требуют специальных габаритов, и поэтому предлагаем оставить приказ наркома, или в крайнем случае, если нам не могут дать деньги, чтобы нам все таки разрешили новое строительство для тех цехов и лабораторий, которые мы в помещении МЭИ не можем разместить.

Что получается дальше? Выясняется, что в 34 году денег нам почти не смогут дать. Нам говорят, что так как сократили общие фонды по ГУУЗ'у, то денег дать мы вам не можем. Мы все таки ставим вопрос. что строительство мы начали, строительство мы должны продолжать, разрешите один или другой вариант. Пишем мы об этом деле. Комиссия даже навела справки об этом в архиве ГУУЗ'а, где это дело видно. В результате Петровский на наше письмо где мы пишем, чтобы нам разрешили постройку лабораторий, которые не могут быть размещены в здании МЭИ, делает резолюцию: написать о целесообразности постройки Энергетического института. То есть он ставит уже вопрос не о нашем институте, а о постройке Энергетического института. Затем

Тишков пишет: «в дело». И нам пишет Тишков /зачитывает письмо/. Отказаться от идеи удовлетворения института путем каких бы то ни было надстроек существующих зданий МММИ и МЭИ.

Вот такова была резолюция Петровского и таково было заключение.

А в результате в декабре пишется такая резолюция: «ввиду того, что ГУУЗ денег не получил, строительства не будет».

В этом году выясняется, что протекает Яуза, что вариант о строительстве нашего института не выдерживает. Это дало лишний толчок Петровскому и сектору капитального строительства, что мы все равно на этом участке не разместимся, и дало лишний толчок к тому, чтобы перейти на территорию МЭИ и с другой стороны это поставило еще более остро [вопрос] относительно форсирования отпуска денег на наше строительство.

Дальше ставится вопрос так: так как мы денег не получили, то я, говорит Петровский – договорился с наркомом, чтобы отдельные главки отпустили вам денег. Вы свяжитесь с отдельными главками, чтобы они отпустили вам деньги.

Поступили мы так. Документ по этому вопросу есть. У меня сохранился документ, который я писал т. Пудалову /зачитывает/. Обращался я и в другие главки. Была специальная делегация студентов /Давтян, Афоничев и друг./, которая ходила по главкам с просьбой, чтобы они финансировали наш институт. В результате мы денег в 34 г. не получили, потому, что главки обещали, но денег нам не дали. И не получили мы денег в 35 году.

Только в 36 г. опять по этому делу мы поставили вопрос и нам были отпущены средства – правда, в самом конце года, за несколько дней до конца года были отпущены средства на проектирование уже по тому новому варианту, где фигурирует МЭИ. Так как спроектировать за 4, за 5 дней мы не могли, то эти деньги у нас пропали. Мы заключили договор, проект был составлен на 15%. И только в этом году возобновили проектирование всех этих зданий.

Тут говорят, что Цибарт сам выдвинул эту идею относительно того, чтобы консервировать строительство. Я говорю, что это ложь, клевета и просто тенденциозный подход людей, не желающих знакомиться с этим делом. В 34 году, когда как раз мы больше всего ходили, нажимали, нас обследовал Комитет по высшей школе, стоял мой доклад, где я подробно докладывал о положении, которое имеется в институте. И что же решил партийный комитет по этому вопросу? Я вам сейчас зачту /зачитывает решение партийного комитета от 3/VII 34 г./

Значит, тогда партийный комитет это дело заслушивал и считал, что это дело правильно. Сейчас же вариант получения нами здания МЭИ и площадей считается вредительским.

Больше того. Мы [меня] обвиняют в том, что мы не ходили. я отрицаю это – это можно проверить по документам. Сам партийный комитет, когда стоял вопрос о смете на 35 год, записал так /читает/ «представить соображения о дальнейшем развитии института».

Письмо было написано, ходили и в МК, и в РК и в ЦК. Я ходил и целые делегации, и партийный комитет ходил, и в результате денег в 34 году не получили.

В результате я оказался в роли вредителя, который сам начал строить, а потом взял и прекратил строительство. На самом деле совершенно не так обстоит.

Все таки под влиянием наших настойчивых требований и хождения нельзя было не согласиться, что нам деньги нужны. нам был утвержден титульный список, сюда приехал нач. ОКС'а т. Новиков и он нам записал /читает/. Это было 7 апреля 34 года. Этот документ подписан и даже печать на нем есть. Написано, что такой то титульный список утверждается, и тут же утверждается на один миллион 400 тыс. рублей капитального строительства. Но даже к сожалению ОКС'а денег мы не получили на 34 год.

Т. Симонов говорит, что мы потратили 200 тыс. рублей на вредительские цели – вредительски начали строительство.

Есть специальная справка, сколько мы потратили. /Читает справку бухгалтерии/.

Тут написано 124 тыс. рублей, которые списаны как незавершенные.

Почему я решил зарыть котлован? В 34 году тогда не стоял еще обо мне <вопрос> как о вредителе. А когда поставили вопрос, что вот котлован вырыли, физкультурной площадки нет, в газете написали, что срываем физкультуру, когда выдвинулся совершенно новый вариант, что тут должна протекать р. Яуза – я поступил по моему правильно: я велел материал продать /весь бут/ котлован зарыть. Восстановили опять физкультурную площадку, потому, что на этом месте по новому плану Москвы и строить нельзя.

Относительно ремонта. Меня обвиняют в том, что я получил деньги от ГУУЗ'а на ремонт, вредительски деньги эти тратил. Я обращаюсь к партийному собранию: давайте расчленим, о чем тут может идти разговор, о каких годах? Ведь я тут сидел 7 лет. Прежде всего, для всякого здравомыслящего человека понятно, что годы 32, 33, 34, 35 – это те годы, когда у нас буквально сидели люди, когда мы участвовали в социалистическом соревновании, когда мы выходили трижды на первое место и стали лучшим ВУЗ'ом Советского Союза, и многие здесь присутствующие, члены парткома, не утверждали обратное. Значит речь не идет об этих годах? Значит, речь идет о неправильном использовании денег в 36-37 году, может быть частично и 35 потому, что в 35 году у нас отняли красное знамя /о мотивах отнятия знамени я тоже скажу – по каким мотивам и по чьей вине/.

Прежде всего, одна маленькая справка. У нас в партийном комитете существует практика, что всякие ремонты, которые производятся в институте, – а ремонты осуществляются в летнее время – партком

систематически подстегивает отдельных строителей и т.д. И мы соответственно общей наметке расходуем эти деньги.

Что мы расходовали в 35 году? 560 тыс. рублей. Из них: 14 тыс. рубл. на литейную. Нужно, или не нужно? 87 тыс. рубл. на сварочную. Вот она стоит. Правда, в первом варианте этой комиссии сварочная фигурировала как вредительство.

На паровоз 85 тыс. рубл. Нужно или не нужно?

Коммутаторная станция. Нужна?

На главное здание потратили 80 тыс. рубл.

Партийный Комитет это дело обсудил – есть протокол – и тогда не считал, что мы зря чтонибудь делаем по главному зданию или делаем то, что не надо.

По общежитиям мы потратили: 40 тыс. рубл. на первое общежитие, 12 тыс. рубл. на второе общежитие, 64 тыс. р. на четвертое общежитие, и на 4 корпус студгородка тыс. рублей.

Вот главные основные объекты. Скажите, что тут потрачено лишнего и что тут не нужно? Это по 1935 г.

В 1936 г. мы потратили 822 тыс. Какие самые крупные объекты здесь? Общежитие № 1 – 37 тыс., общежитие № 2 – 15 тыс., третий Лефортовский корпус – 29 тыс., главное здание 42 тыс., на сварочную лабораторию 116 тыс.

По линии текущего ремонта: на главное здание 29 тыс., на столовую 22 тыс., на третий корпус 22 тыс., на общежитие № 1 45 тыс., на общежитие № 3 44 тыс., физический корпус 22 тыс., автомобиль 17 тыс., литейная 25 тыс. и на двигатель внутреннего сгорания 11 тыс.

Что тут лишнего?

Партийный комитет это дело обсудил, и когда обсудили дело Матвеева, даже партийный комитет в присутствии Зернова не решался это дело так ставить.

Зернов говорит: «ремонт выполнен не плохо». Никто не говорил тогда, что сделано не то, что надо было сделать. Наоборот, – качественно, хорошо. Теперь говорят: «получили такую массу денег, и не сделали того, что надо». А почему товарищи дорогие вы тогда не указали, «на третье [не тратьте – ?] на главное здание, а потратьте на чтонибудь другое».

Для того, чтобы ремонтировать и строить, нужно иметь фондовый материал.

/Забродский: не надо тратить на это время, когда все знают, что для того, чтобы ремонтировать, нужны фонды./

А этих фондов нет. Деньги мы получаем, не обеспеченные фондом. Вот на это нужно тратить время.

Это насчет того, как мы «преступно» расходовали деньги.

Относительно совхоза... Ну, товарищи дорогие, нужно все таки меру знать. Совхоз мы получили в связи со столетним юбилеем нашего института. Было специальное постановление райкома партии, нам рекомендовали взять этот совхоз. Больше того, в приказе Серго есть пункт, где говорится: «отпустить 250 тыс. рублей на организацию пригородного хозяйства».

Этот совхоз, когда мы его приняли, верно он дал нам убыток. Вопрос о совхозе был предметом неоднократного разбирательства на партийном комитете. Партийный комитет обсуждал эти дела. В 34 году заслушивался доклад директора совхоза Чунихина и в марте, о весенней кампании, и в октябре и т.д. Я всего зачитывать не буду. Зачту только, что же в конце концов партийный комитет под руководством Юдина тогда записал: /зачитывает постановление парткома от 10 октября по докладу Горина/.

Был большой отход молодняка вследствие чумы и паратифа, нас постигло стихийное бедствие. Дело было передано прокурору, чтобы директора судили, но его ни к чему не присудили.

Но комиссия ставит другой вопрос, что совхоз нам ничего не дал, зря мы его взяли. Те, кто здесь давно учатся, вероятно, помнят, что совхоз немного, но кое чего дал. Тут была палатка, торговали мясом из совхоза, правда, очень немного.

Следующий вопрос – как относился ко мне Петровский.

Петровский, видите ли, мне особенно покровительствовал, я ставленник здесь Петровского...

Я пришел в институт как декан факультета, по постановлению МК – т. Мостовенко, который был тогда ректором МВТУ. Документ об этом есть. Петровским я не подобран. Петровским я не поставлен, и Петровского я раньше не знал.

Хорошо. Тогда говорят так: «раз ты говоришь, что ты был в составе Совета Народного комиссариата тяжелой промышленности, и раз там четыре человека директоров арестовано, то почему ты не можешь быть вредителем?»

Во первых, поправка: в составе Совета 6 директоров. Я например считаю, что было бы в высшей степени непонятным, если бы директор крупнейшего ВУЗ'а, который на основании постановления правительства считается лучшим ВУЗ'ом Советского Союза, не вошел в состав Совета НКТП.

И следующая справка. Откуда автор взял, что из них 4 человека арестованы? Я знаю, что арестован только один Ефимов. А такие люди, как Вологдин, Шорин, Цибарт – я пока еще кажется не арестован? – они пока еще не арестованы. Шрейдер был исключен из партии, и, насколько я знаю, по бытовым причинам. У кого получены эти сведения? Белякова, который сам арестован – об этом надо было бы сказать тов. Симонову.

/Симонов. если бы я это сказал, это было бы неправда./

Дальше. Как доказательство, что Петровский особенно благоволил к институту, приводится следующее: присылали Комиссию, обнаружили целый ряд недостатков, а Петровский, вместо того чтобы хлопнуть Цибарта, прислал ему эти выводы.

Во первых. Кто был прислан? Дегарн [Дыгерн – ?] и Кириллов. С кем они беседовали? С работниками профкома и другими товарищами. У меня даже не были. Побывли два-три часа, и какие выводы сделали? В институте редко бываю.

Это ни в какие ворота не лезет, потому, что все знают, сколько я бываю в институте.

Дальше пишут, что много вокруг лабораторий свалено мусора, отбросы и т.д. Пишут о том, что председатель месткома пьянствует, что на материальном складе имеется человек – Царьков, который является сыном торговца. О Чутуеве пишут, о Тарасове-Римском пишут. Пишут о том, что были три пьянки: две в здании института, одна в общестии. Это помните, когда были банкеты по окончании курса. И затем пишут о самоубийстве комсомольца, и что на это дело не реагировали. Петровский мне это дело препроводил, для того, чтобы я принял меры для устранения этого явления. Почему меня Петровский за это дело не снял с работы? Тому, кому хотелось, тот вероятно снял бы. Но вряд ли т. Серго разрешил бы снять.

Это было написано 13 июня 36 г., а тем не менее Петровский, переслав мне эти выводы, вызывает меня 27 июня и говорит: «есть постановление Партии и Правительства о Высшей школе, по которому директор ВУЗ'а должен быть обязательно профессором. Ты давно сидишь в институте, тебе давно пора уходить».

– Кого же вы предлагаете вместо меня?

– Я предлагаю профессора Куколевского.

– Уйти из института я ничего не имею против, потому, что травля против меня идет с момента моего поступления туда, но насчет Куколевского я извиняюсь. Когда его чествовали, так он твердо заявил, что он стоит на том берегу, что он довольно одиозная фигура. Я возражаю против Куколевского.

– Тогда давай подумаем, кого выдвигать.

Я пишу письмо, что в институте есть очень интересные фигуры: проф. Савельев [Саверин – ?], Смирнов, Шелест, но никто из них не может быть выдвинут директором, и было бы правильным, если бы вы назначили совершенно постороннего профессора, окончившего МВТУ – есть в МЭИ профессора, которые награждены орденами. Это письмо было послано в августе. Кириллов и Дегарн [Дыгерн – ?] предложили меня снять в июле. Через месяц Петровский на это реагировал, и довольно остроумно правда, из этого ничего не вышло. ЦК не разрешило – назначить Куколевского. И я остался здесь сидеть. По воле Петровского или не по воле – судите сами.

Защищал меня Петровский или не защищал?

Судите сами.

Тут все время ведутся разговоры: надо снять директора, директор никуда не годится. Но я поступил в Институт в 30 году, в марте с довольно хорошей репутацией потому, что я был членом Московской областной контрольной комиссии, активно участвовал в борьбе с троцкизмом, исключал много этой сволочи из партии. Прежде всего: тут я три месяца проработал, и тут же поставил<и> вопрос о моем снятии. Кто ставил вопрос: Шлямберг, Дискин [Дыскин]. Приходит секретарь районного комитета, обсуждает это дело, устраивается партийный актив и принимается решение, что нет никаких оснований ставить вопрос относительно директора, и что партийная организация не помогала директору. Это в 1930 году.

Ну что же? Тогда пришлось тогда работать. Стал работать.

Все таки троцкистская группа здесь была очень сильная. Это – последыши, оставшиеся после разгрома троцкистской оппозиции, после старого МВТУ. Многие из них скрылись, перекрасились, многие были разоблачены – и они секретарем провели Кривина... небывалый авторитет создается Кривину. Кривина носят на руках. И до 37 года он пользовался таким авторитетом. Зернов на партийном собрании выступает о том, что Кривин лучший большевик, и т.д. Я долго думал над этим делом: я негодный руководитель, никудышный хозяйственник – так неужели Кривин, шпион, троцкист, враг народа – неужели он стал бы требовать моего снятия: ведь ему со мной легче было бы работать?

Я пришел к выводу, что просто я мешал этой банде здесь. Чем эта банда занималась? Она занималась тем, чтобы сажать своих людей на все участки для того, чтобы проводить здесь подрывную работу. Если угодно партийному собранию, я скажу: смотрите, Кривин, секретарь партийного комитета, через два месяца, как я сюда пришел, поставил вопрос о моем снятии.

Был назначен Москвин начальником ГУУЗ'а. Опять поставил вопрос о моем снятии. Я думал: неужели я такой никудышный человек – черт его знает?

Если бы я действительно был таким никудышным человеком, вряд ли этот тип ставил так вопрос? Им надо было убрать меня не потому, что я никудышный, а для того, чтобы это место занять своим человеком, который дал бы им возможность лучше здесь работать.

И это подтвердилось, когда в марте – апреле 37 г. стоит вопрос и меня чистят в течение нескольких вечеров – и законно чистят за целый ряд безобразий, которые были здесь в институте. Но когда после этого оказалось, что группа партийцев выдвигает директором не кого иного, как Кривина, то у меня глаза открылись: значит речь шла не о Цибарте, а речь шла о том, чтобы на мое место посадить своего человека, врага.

/С места: кто выдвигал его/.

– Зернов.

Это в 1937 г. А в те годы выдвигались другие люди, которые теперь уже разоблачены.

Когда я просмотрел все свои заметки – у меня есть такая привычка все записывать – я просмотрел своих травителей, то я пришел в ужас: что я за шляпа

/с места: это верно/.

Это не то, что меня лично травили. Большая часть этих людей кто арестован, кто покончил с собой, боясь разоблачения, кто исключен из партии – все эти люди такого порядка. Я не придавал раньше этому значения. Думал, что я негодный человек – старался перестроиться. И только когда взяли Кривина и целый ряд людей из этой компании...

/С места. Называйте фамилии/.

Лисич – арестован. Старосветский, также, Кулаков – покончил самоубийством – самый яркий активист вроде Зернова /смех/ Хонин – исключен из партии, Журавлев, Злотников, и т.д. Только тогда я понял, в чем дело.

После Кривина секретарем партийного комитета стал Журавлев. Дело пошло по преемственности, как полагается.

Райком хватился, что дело тут неладно, что тут работает определенная группа. Правда, секретарь парткома не придавал этому значения: требования студентов большие, надо быстрее поворачиваться и т.д.

Был выдвинут секретарь партийного комитета тов. Серкин. Теперь он нач. Политуправления Главсевморпути. Тов. Серкин, как только приступил к работе – он сразу отшил эту группу от всякого руководства, квалифицировал их как следует, многим указал свое место. Он потребовал комиссию от райкома. Были созданы две комиссии, которые обследовали институт. Работа пошла так, чтобы действительно мобилизовать массы на учебно-производственные задачи и на политическую работу. Дело дошло до того, товарищи, это не бывало потом при других секретарях парткома – что даже членов партийного комитета снимали, выводили из состава парткома за то, что они имели прогулы, за то, что они показывали другим пример.

Я тут могу вам зачитать такой случай – я между прочим изучил все газеты «Ударник». Был поставлен вопрос об оборонной работе и о дисциплине, и об успеваемости дело пошло. В результате мы имели в первом туре переходящее красное знамя, во втором туре переходящее красное знамя – как лучший ВУЗ Советского Союза. Потом случилась мобилизация в политотделы. А такие люди, как Журавлев, Зернов – в политотделы не пошли. А лучшие люди ушли – в том числе Серкин, Матисен и другие. В декабре 33 года встал вопрос о новом секретаре парткома, когда сюда приехал тов. Осипов, который раньше знал эту группу людей, которые проводят тут работу. Устроили актив. Ясно было, что эту группу нельзя было допускать к партийному руководству. Но эта группа так организовалась – они эту технику фракционной борьбы знают прекрасно – этот метод опорачивания, шельмования, и что получилось? Когда представитель райкома предлагает таких то товарищей в состав парткома, а таких то отводит, то один за другим, как будто бы по писанному выступают против предложения райкома, и предложение райкома не принимается. Кое как т. Осипов переносит это собрание на следующий раз. На следующий актив пришел уже сам Осипов и представитель МК с теми же самыми предложениями. И что вы думаете? пять часов просидели – повторилась та же самая вещь, провалили это дело. И в результате секретарем партийного комитета сел Юдин. Кривинское и Журавлевское дело продолжалось так, как оно было раньше.

Что стали делать? Я утверждаю, что могу доказать фактами и документами, что люди вели сознательно работу на развал партийной, массовой, культурной и бытовой работы. В результате у нас отняли красное знамя. И знаете за что отняли? Считали, что мы имеем большие достижения по линии производственной, а отняли знамя за слабое развитие политико-воспитательной и культурно-бытовой работы. Не в бровь, а в глаз!

А дальше появляются люди, которые распространяют лозунги такого рода: наш ВУЗ исторически не приспособлен /Иголкин/. Это дело идет в массы. Головинцев мобилизует комсомол, а на собрании в клубе все идет под знаком, что у нас не ВУЗ, а сплошное черное пятно.

А что делается на самом деле? на самом деле по линии профкома работа разваливается, появляются антисоветские лозунги. Вся эта сволочь и мразь начинает свою работу. Среди комсомола начинаются самоубийства, этому делу никакого значения не придают, сам Головинцев пьет. И идет обработка общественного мнения.

Товарищи, я член партии. Я терпел, терпел, но терпение мое в конце концов лопається. Я говорю, говорю – меня не слушают. Я вынужден был пуститься на такую вещь, которая вообще недопустима в партийной практике: я пишу 6 февраля 35 г. в райком. Я вам зачту это письмо. Я писал, что наше знамя под угрозой год, как сидит Юдин. Я ссылался на пункт устава нашей партии /Читает письмо/.

Такой сигнал был не один. после этого появились и другие сигналы. Появилось письмо в «Рабочей Москве», появилось письмо в РК.

Товарищ Осипов сюда приехал, было устроено заседание бюро и было решено, что развал партийной работы налицо, Горина решили тут же снять, а Юдина решили распрях в ближайшее время.

Но этот протокол быстро фальсифицируется и в результате получается, что такой вопрос будто не стоял.

/С места: бывает!/.

Бывает, когда враги нашей партии орудуют и всюду везде проникают.

Здесь получается, что никакого сдвига нет, люди продолжают работу. Пока Юдин не успел присосаться к Марголину, как следует, он продолжает тут работать.

Я вынужден вторично обратиться к Осипову. Я пишу:

/Читает письмо/.

/По тексту письма/: Тогда Зернов для того, чтобы замести следы и защитить Юдина, выступает для того, чтобы свести решение в другую сторону.

«Директор Цибарт собрал аспирантов по вопросу о речи товарища Сталина, не поставил вопроса о выводах, вытекающих из речи товарища Сталина».

Это было сделано для того, чтобы сбить. Но попытка такая была сделана.

/Продолжает читать письмо/.

После этого – знаете что случилось.

Юдин попал к Марголину подхалимством [перед – ?] секретарем Краснопресненского РК партии. Потом его сняли. Сейчас он на хозяйственной работе.

Из всех этих вещей я делаю один вывод, что делалось это не случайно, а делалось это – сознательно.

Возьмите наши общежития. В 1934 году были лучшие общежития.

Наша столовая имела красное знамя. Отдали знамя. Почему? Об этом в газете пишут сами же студенты. Не буду отнимать ваше время на это.

Сколько затратили денег на общежития! Привели общежития в порядок. А в результате, благодаря «работе» врагов, все это дело было сведено до того, что как выражался товарищ Головинцев на одном из заседаний, «зайдешь в общежития, как будто бы это – не студенты, а хулиганы, как будто бы это не красный уголок, а чайная или бильярдная»...

/ГОЛОВИНЦЕВ: Я так не говорил.../

У меня все записано. Вот они – эти заметки.

А студент Якшин говорит: «Тут надо сиденья цепями привязывать, никакой работы не ведется».

А весь наш актив живет в первом общежитии и общежития превращают не знаю во что.

Говорил, что надо работать. То, что требовалось с моей стороны, делалось. А по линии того, что вести культурную работу с людьми ни черта не делалось. Случайно это или не случайно?

Я думаю, что из решения пленума ЦК комсомола понятно – почему это не делалось. И если сопоставить, что у нас были самоубийства комсомольцев, как происходил обмен партдокументов, то я делаю выводы, пишу в РК и прошу это дело разобрать.

Дело идет дальше. И тем не менее, Цибарта кроют, стегают.

Вы меня все время выбирали в партийный комитет. Райком оказал мне доверие и выдвинул меня на обмен партийных документов, организация рекомендовала, я все время член партийной комиссии.

Что произошло со мной? До какой степени падения я дошел, что стал таким человеком, каким рисует эта комиссия, председателем которой назначили этого самого Ховаха, друга-приятеля Зернова, которые ведут вместе одну и ту же линию? В чем дело? Что со мной случилось?... Неужели я так низко пал, что меня нужно сейчас исключать из партии? Мне нет места в партии? Я стал вредителем! Я законсервировал строительство! По моему предложению Петровский это сделал! Я зарыл фундамент! Совхоз я сознательно развалил! Больше того, оказывается, я сознательно развалил и учебно-производственный процесс, и хозяйство и проч.! Я и комиссии говорил: я считаю это шельмованием, потому, что вы не имеете права так заявлять, если авторитетные комиссии, которые сюда приезжали три года подряд, признали наш ВУЗ лучшим в Советском Союзе даже в 36-м году за учебно-производственные показатели – люди безусловно разбирались, в чем я виноват и в чем не виноват. И тем не менее в этих условиях говорят, что я разваливал дело. Я учебные силы развалил, учебный процесс развалил... Я не знаю... Я заявлял на комиссии и тем не менее в решениях комиссии все это осталось.

В чем же тут дело и в чем я виноват? И за что меня надо крыть по партийному? Несмотря на то, что меня исключили, я считаю себя членом партии и дойду до Центрального Комитета и свой партийный билет я не отдам легко Зерновым и сумею доказать, кто из нас член партии и кто не член партии.

На самом деле – в чем я виноват. Я виноват в том, что повесил портрет Петровского. Для меня, для старого члена партии – это непростительное дело – подхалимство, делячество. Из-за каких-нибудь 30-40 тыс. рубл., которые я могу лишних получить, – повесить портрет Петровского рядом с портретами вождей.

Я много пережил, перестрадал, и считаю, что за это дело я должен понести партийное взыскание. Если это простительно молодому члену партии, то мне это непозволительно. А отсюда и другие качества. Если он [портрет] висел у меня, и он [Петровский], видя свой портрет, давал те или иные деньги, я не мог так резко реагировать, как реагировали другие директора. Хотя отчасти, если бы комиссия была об'ективна, она посмотрела бы положение других ВУЗ'ов.

В этом моя большая вина. Я виноват. Вы имели право ожидать от меня большего. Вы меня сами выдвигали, верили мне.

Тут говорят – подхалимство. А может быть товарищи не знают, кто на самом деле был подхалимом. Вы видите портрет Петровского в газете «Ударник».

/С места: портрет часто бывал/.

И не в одном номере. Кто это делает. Я вам скажу. Руководство партийного комитета, которое бывало у меня в кабинете, оно не только не указывало мне, оно само этим делом занималось. Я не хочу этим снимать с себя вины – политический руководитель учреждения – вины моей это не уменьшает. Но для ориентировки партийного собрания я считаю нужным об этом сказать здесь.

Второе. Относительно собрания, где я заявил, что я шесть лет вел непартийную линию, что я зажимал самокритику, не любил самокритику, и всех, кто меня критикует, считаю своими личными врагами.

Я думаю, прибегать здесь к этому аргументу, тов. Симонов, просто нечестно. Если вы хотите знать, в каких условиях это было, я скажу. Каждый из вас понимает, что кроме того, что он член партии, он есть еще и человек. И когда в 11-12 часов ночи собираются 20 человек, кругом накурено, надымлено, и говорят:

- Петровский вредил.
- Вредил.
- Ты видел.
- Не заметил.
- Содействовал или не содействовал...

И это тянулось несколько часов. А до этого трепали меня здорово. Поделом трепали. Я сказал:

- Об'ективно конечно.

А люди сейчас же записывают: Цибарт сознался, что 6 лет занимался вредительством.

Я спрашиваю: товарищи партком. Если Цибарт сделал такое заявление, то почему вы его немедленно не исключили из партии?

/Симонов: это было бы удивительно/.

Удивительно, но только не для меня, потому что тот, кто был на этом собрании, помнит, а кому нужно было воспользоваться лишним камнем, то и этот аргумент используют.

/Симонов: но это было или не было?/

То, что было, я партийной организации говорю.

Общее собрание в марте – апреле. Идут выборы в партийный комитет. Выдвигается мотив: Цибарт вредитель. Назначается комиссия. Назначаются они же. Тут интересно, как шло мое исключение из партии – пускай собрание знает. Во первых, тянули 4 месяца – искали, искали... И наконец комиссия решила – я узнал из разговора с Наугольным – мне объявить выговор за то, что я недостаточно боролся с Петровским, недостаточно был бдителен. Хорошо.

А потом идет заявление. Когда после ареста Кривина кое кто понимает, куда ведут ниточки и куда цепочки, созывается партком.

Если вы честные люди, вы должны сказать, что первое ваше решение было не об исключении из партии... А хотите знать, что послужило причиной для другого решения. Меня вызывают в партийный комитет.

«Тов. Цибарт, завтра стоит твой доклад об аспирантуре.»

Я готовлю материал, иду на доклад. А Наугольнова нет. Он побежал в ГУУЗ собирать материал, потому, что слышал, что назначена ревизия. А ревизию назначил Каплун – друг Кривина. И несмотря на то, что только бухгалтер составил выводы – идут в бухгалтерию к бухгалтеру, посмотреть.

«Цибарт получил незаконно деньги». За что. Я скажу. Летом я экзаменовал вновь поступающих студентов. Приезжал сюда Межлаук. В ЦК мне объявили выговор за то, что я экзаменовал студентов, а не участвовал в приеме студентов. Я в ГУУЗ представил весь материал с ведомостями, с расписками – за что я получал эти деньги: экзаменовал, задания составлял и устные и письменные. Я и в прошлом году это делал. Есть постановление партии участвовать в этой работе.

Дальше то, что я, будучи преподавателем, был зачислен в штат, получал 200 руб. в месяц как человек ведущий группу и не додал часы: вместо 280 час. дал 80 часов. Я даю объяснение партийному комитету. Верно, я вел группу. Из-за перегруженности я не мог добавить часы, но я занимался, на занятия ходил. И не только я один – целый ряд преподавателей находится в таком же положении. Ревизору же надо вытащить только меня. Да, товарищи, это неправильно, хотя я и обязался добавить эти часы. если я их не додал в прошлом году, я обязан их добавить в этом году.

Это «использование» моего служебного положения. И после этого меня просят выйти с заседания парткома, остаются одни и решают вопрос в мое отсутствие. Звоню, звоню – как дело кончилось. Прихожу в партийный комитет: «ну, Саша, как вы решили».

Покраснел Саша – видно ему неудобно. Наконец говорит: «мы решили тебя исключить».

– За что вы меня исключаете. Пойди, проверь в бухгалтерию. Верно – исключайте, неверно – зачем исключаете.

– Знаешь, так нужно. Если не подтвердится, мы тебя восстановим.

/В зале смех/.

Я говорю: так не делается. Не надо подбирать специально материал.

Насчет подбора кадров. Я утверждаю и тогда заявлял, что в подборе кадров и во многих вещах мне мешали. Многих хороших работников зачисляли в категорию никудышных, негодных людей, создавали им соответствующую обстановку с тем, чтобы они от нас ушли. Скориков здесь был никудышный человек – теперь он заместитель зав. учебной частью в Промакадемии. Рудин [Рузин] здесь был никудышный человек, сейчас же он на лучшем счету на заводе.

/С места: а здесь не умел работать/.

Не «не умел работать», а обстановки не создавали. Обстановка создавалась тому, кто не слушался Цибарта, кто не поддерживал Цибарта.

/С места: вы сами сняли Рудина за мордобой/.

У него было много ошибок.

Недопустимое отношение к критике. В течение ряда лет, благодаря той обстановке, которая здесь создавалась, критика была яростная, критика ради того, чтобы меня компрометировать, и в отношении некоторых людей я могу сказать, что критика с их стороны была не ради того, чтобы мне помочь, а для того, чтобы побить, камень бросить.

Но я не говорю, что вся критика была враждебная. Наоборот, я себя обвиняю в том, что я очень много, со многими вещами соглашался, отдавал приказ – выполнить, не учитывая, не взвешивая всех обстоятельств, которые тут встречаются.

Следующий вопрос – касающийся меня лично. Меня обвиняют, что родители мои живут за границей и от'езд их я объясняю не по партийному.

То, что родители мои живут за границей, я не скрывал, и я не виноват, что я родился в семье лодзинского рабочего, и что Лодзь перешла сейчас в Польшу. Я в России с 10 года. На протяжении моего пребывания в партии, в СССР, я всегда был честным партийцем. Приехали сюда мои родители потому, что там очень плохо жилось, голодали. Уехали потому, что получали оттуда письма от матери, что ее преследуют, что она больная, что она хочет, чтобы отец был при ее последних минутах... А сейчас это объясняется непартийным поведением.

Меня обвиняют в том, что я был знаком с Червяковым. Верно, товарищи, я давно работаю и был знаком со многими. Вы учтите, что я был членом Правительства Белоруссии, был членом ЦК Белоруссии, а Червяков был председателем ЦИК Белоруссии. Должен я был знать его. Должен и обязан. Червяков был большой человек, а я простой директор ВУЗ'а. Червяков – председатель ЦИК'а – ему нужно устроить своих детей в ВУЗ. Он приезжает сюда. Разыскал меня, приезжает на двух машинах ко мне на дачу. «Помоги устроить детей». Я считал своим долгом помочь ему устроить его детей в институт. У нас учились раньше дети Калинина, сейчас учится сын Андреева...

/Забродский: почему вы ставите их рядом/.

Я не ставлю их рядом. Я прошу меня не понимать так, как не нужно. Я говорю, что Червяков был председателем ЦИК'а, ему надо было устроить детей. Он знает меня по Белоруссии, и он попросил меня. Я прикрепил к ним преподавателя, они стали заниматься и поступили на курс. Плохо они занимались. Он приезжал еще раз, просил меня помочь им – я помог. Я не знал, кто он. И с 1924 года по 34 год он не знал меня, не вспоминал меня, а когда ему нужно было устроить детей, он вспомнил, что есть Краснознаменный институт в Москве, лучший в Советском Союзе.

Репке. Немецкий рабочий, который работал у нас в лаборатории. Просто не понимаю... Я владею немецким языком, вы это знаете. В 1935 году я получил путевку в санаторий «Светлана» на юг. Прихожу оформляться. До меня стоит человек, который ничего не понимает – его спрашивают имя, отчество, фамилию, а те, кто пишут, не понимают тоже по немецки. Спрашивают – нет ли когонибудь, кто понимает по немецки, чтобы перевести. Я стал переводить, они заполнили анкету. Он член партии с 20 года, немецкий эмигрант. Мне сказали: так как он немецкий коммунист и не понимает по русски, давайте поселим вас в одну комнату, чтобы вы ему показали Сочи, и он мог ориентироваться. Ладно, давайте. Прожил я с ним один месяц. Он старший, довольно пожилой.

Потом приходит он ко мне и объявляет: «мне трудно тут работать. Нельзя ли мне на какуюнибудь хозяйственную работу, более легкую».

Назначил его зав. Домом отдыха. Но увидел, что он не может работать – снял его.

После этого он стал работать на военном заводе.

Потом стали снимать всех иностранцев с военных заводов – на меня идет нажим, чтобы я опять взял его к себе. Я его не беру, потому что я увидел, какой он хозяйственник. Рекомендует его секретарь Мытищенского райкома Полешук – спросите его. Нажимали, требовали, тем не менее я его не взял.

Прошел еще год. Опять нажим – уже из МК, из иностранной секции: берите его простым рабочим, резервником, он имеет право на труд, иностранцы могут работать, но только не на военных заводах. Вызвал меня РОМ.

– Есть у вас место простого рабочего. Возьмите его.

– Есть.

Взял. Сейчас все это мне приписывается, что я с ним как-то идейно связан.

Насчет использования материального положения. На постройку дачи я [якобы] использовал подставных лиц и пользовался материалами института.

Я заявляю: ни одной копейки институтских денег на постройку дачи не потрачено. Об этом я заявлял, и в первоначальном варианте решения парткома этот документ не фигурировал. Даже ревизия, которая была послана Каплуном, об этом ничего не говорила.

Мне нужно было для постройки дачи несколько досок. Я попросил агента дать такие доски, уплатил деньги. Этот материал был не дефицитный, деньги уплачены, все в порядке. Ошибка в том, что я сам не взял это дело. Но почему я не имею право на это. Другим на ремонт я даю.

Здесь усматривается использование мною служебного положения даже в «шкурных» других интересах.

Если меня нужно исключить из партии, то я хотел бы знать за что.

Я считаю, что тут делается та обстановка, которая создавалась вокруг меня в течение всех этих лет моей работы в институте, в свете разоблаченных врагов партии и народа. Проливает<ся> некоторый свет на то, почему

и кому надо было меня снимать из института, и почему группа этих людей так яростно, в особенности после мартовского собрания, требуют и нажимают.

Я не раз ставил вопрос в ЦК о том, чтобы меня освободили. Что вы думаете – так приятно работать в такой обстановке. Но ЦК меня не освобождало. Я и в 37 году ставил вопрос о своем освобождении. Но пока меня не освобождают. Не освобождают – значит надо создавать мне возможность работать.

Те политические ошибки, которые я совершил, от того что эта группа хочет, не перестают быть политическими ошибками. Но я хочу, чтобы меня наказывали и стегали за то, в чем я действительно виноват, и не допускали того, чтобы мне приписывали всякие вещи, тенденциозно подбираемые в течение ряда лет и убираемые в портфель.

У меня были откровенные разговоры с Головинцевым. Сидели мы у себя наверху в кабинете.

Он говорит: «знаешь, Цибарт, тебе надо уйти скорее». Не уйдешь из института, тебя заставят уйти. Ты бы взял маленький ВУЗ какойнибудь – эта работа тебе по плечу.

А до этого, у Межлаука, Головинцев не успел выступить, он ушел. Но выступает с его тезисами Ховах, и основной тезис, что Цибарт никудышный человек, его надо снимать.

Я говорю: «знаешь, я хочу уйти из института, но партия меня тут держит, а вы должны оказывать содействие и помощь».

А Зернов в частной беседе «знаешь, ты хороший партиец, но никудышный ты хозяйственник, уйти бы тебе из института».

Теперь эти люди считают, что я никудышный партиец, никудышный хозяйственник, и меня нужно выбросить вон из рядов партии.

Я считаю, что наша партийная организация разберется, в чем я виноват. Я понесу партийное наказание, но только давайте мне его за то, в чем я виноват.

Думаю, что партийная наша организация здоровая и сумеет отличить шельмование <и> склоку от того, что есть на самом деле.

Заседание переносится на 4 декабря в 5 часов вечера.

Листы 46-172

СТЕНОГРАММА

=====

Партийного собрания парторганизации Московского Машиностроительного Института им. Баумана
4 декабря 1937 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ тов. СИМОНОВ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: есть предложение дать слово т. Цибарту для ответов на вопросы, а затем начнем прения.

(Принимается).

ЦИБАРТ.

Товарищи, я сначала отвечу на ряд вопросов, связанных с некоторыми законными сомнениями в отношении моего политического лица.

Мне задают такой вопрос: было ли известно партийной организации, что родственники мои уехали из СССР?

Да, товарищи, партийной организации это было известно. Должен только сказать, что этот вопрос наводит меня на мысль, что парторганизация может быть не совсем правильно меня поняла. Родители мои вообще живут в Польше, они там и родились. Я выписал своего брата и отца потому, что им там плохо жилось. Брат устроился здесь на работу на фабрику, отец устроился в артель, набивал шнурки для ботинок. Потом они уехали, в 1932 году. Знала ли парторганизация об этом? Да, знала. И на чистке в <нет слова> и когда меня выдвигали председателем комиссии по чистке, этот вопрос мне также задавался. Я зачту вам два выступления, которые отвечают на этот вопрос.

(Читает стенограмму выступления Шевякова)

Какая у меня связь с ними? На прошлом собрании, когда мне задавали вопрос относительно моих родных за границей, мне поставили такой вопрос: почему я не держу с ними связь, почему я с ними не переписываюсь? Я отвечал тогда, что мне моих родных стыдиться нечего, что я им писал, что с ними случилось – я не знаю, потому что кроме открытки о том, что умерла моя сестра, я от них ничего не получал. Первое время после их отъезда я писал, ответа не получал. Живы ли они, работают ли – не знаю.

Чем занимаются родные за границей?

Чем сейчас занимаются – не знаю. А чем занимались – две сестры учительствовали, брат работал счетоводом или бухгалтером, отец работал вагоновожатым на трамвае, мать домашняя хозяйка.

Причины выезда родителей за границу и на какие средства живут?

Я говорил прошлый раз. Уехали они отсюда потому, что брат получал от матери письма, что она очень больна и хочет, чтоб они приехали, за нею поухаживали, а может быть и похоронили. В результате через шесть месяцев умерла не мать, а умерла сестра.

Когда они уезжали, мне брат говорил, что у него имеется обратная виза от наших властей на приезд сюда, и мы его ожидали, что он должен вернуться обратно. Но ни слуху ни духу о нем.

Какая моя национальность?

Я считаю, что национальность моя немецкая. Почему? Потому что родной язык мой и разговорный – немецкий, а жил я в Польше. Отец и мать происходят из немецких колонистов, которые имеются в Польше.

Кто из ближайших родственников имеется за границей?

Кроме отца, брата и матери, за границей никого нет.

Дальше имеется такая записка: почему не взял родителей к себе?

Я пытался их взять. Почему уехали – тоже объяснил. Почему не приехали – не знаю. Мои попытки узнать, что с ними – не увенчались успехом.

Относительно связи с женой Червякова?

Вопрос довольно странный. Вообще связи никакой с женой Червякова у меня не было. Я не знаю, что под этим понимает автор этой записки?

(Головинцев: знакомство)

Отношения с Червяковым я вам рассказал. А относительно связи, или относительно знакомства с женой Червякова... Я не знаю, что вам ответить. У меня было знакомство с Червяковым, но с его женой у меня ничего не было. Повторяю, что кроме отношений с Червяковым на почве того, что ему нужно обучать детей здесь в институте – у меня вообще с ним ничего не было. А с женой Червякова у меня вообще ничего не было. Жена его приезжала вместе с мужем и также просила насчет детей.

Чем помогал Червяков строительству института. Ничем не помогал, хотя мы писали ему после того, как он здесь делал доклад, чтобы он, как председатель ЦИК'а, попросил бы ВСНХ помочь насчет строительства. Но из этого дела ничего не вышло. Письмо такое ему было послано, но никаких результатов от этого письма не было.

Каким образом я поступил в МВТУ?

Поступил я 29 января 1930 г. по постановлению МК.

(Зачитывает протокол постановления)

Я был назначен тогда деканом механического факультета.

Есть ли у меня партийные взыскания за 8 лет моего пребывания в институте?

Я таких взысканий не помню. Взысканий у меня не было, и отклонений от генеральной линии партии также не было.

Следующий вопрос – делового порядка: чем объяснить такие большие затраты на главное здание и общежития?

Это надо объяснить тем, что наши главные здания и общежития очень ветхи и нуждаются в чрезвычайно большом ремонте. В 36 году мы провели очень большой ремонт, главным образом касающийся внешнего вида, и кое-что сделали по лабораториям. А по общежитиям мы довольно много сделали. Если собранию угодно – я велел дать себе выписки, где все записано, что сделано по ремонту. Тогда упреков, что эти деньги нерационально потрачены, мне не было. Эти упреки появились только в 1937 году.

Почему не ставил вопрос о невыполнении приказа НКТП перед ЦК, а ставил только перед Петровским, который был вредителем?

Я ставил вопросы эти и перед Серго, и перед Пудаловым. Тут непонятно – какой вопрос? Я говорил уже, что приказ Серго от февраля 33 года был в значительной степени изменен в основной его части – части капитального строительства, когда встал вопрос о праздновании столетнего юбилея не нашего института, а о праздновании столетнего юбилея быв. МВТУ, и я вам зачитывал, в какой редакции приказ тогда был сформулирован – речь шла там о пяти институтах, возникших на базе МВТУ и речь шла не о том, чтобы обеспечить нам строительство, а речь шла о том, чтобы взять под особое наблюдение материальную базу таких-то и таких-то институтов, и после этого была дана установка на то, чтобы сами главки и объединения помогли институту пополнять лаборатории оборудованием и в смысле строительства. Кое-какие документы по этому вопросу я зачитывал в прошлый раз. Партийный комитет в том же 34 году и Комитет по Высшей школе в том же 34 году, когда заслушивал мое сообщение о развитии перспективного плана нашего института, записал так: признать мой доклад и план развития института целиком отвечающим директивам 17 партийного съезда. А это было в конце 34 года, когда мы уже ликвидировали строительство.

Почему я замалчиваю пожар в 34 г. в парткабинете?

Я пожара этого не замалчиваю. У нас было еще несколько таких случаев. За это дело отдан под суд Петухов – кстати, тоже человек, который был рекомендован в институт зам. секретаря партийного комитета т. Горинным, родственником которого он является.

Почему законсервирована прокатная лаборатория, и необходима ли она для нас?

Прокатная лаборатория вообще для института конечно нужна, потому что у нас имеется прокатная специальность и целый ряд специальностей, которым эта прокатная лаборатория может быть полезна. Прокатную лабораторию строим не мы, ее строит ГУУЗ непосредственно, потому что она должна быть полужавовского типа. Сейчас, в связи с недостаточными ассигнованиями, строительство ее идет более медленными темпами, чем намечали, но строительство не законсервировано. Для разбора всех заявлений создана комиссия, которая закончила свою работу и послезавтра мы будем слушать ее доклад.

Затем идет целая серия вопросов, имеющих цель меня просто опорочить и скомпрометировать, как это было на прошлом собрании.

На какие средства построена дача Матвеева и почему ее не отбирают?

Дача Матвеева построена не на средства института, дача Матвеева построена на средства самого Матвеева. Он получил от Моссовета по две с половиной тысячи на каждого члена семьи, т.к. его выселяли, купил себе сруб. От Моссовета мы получили предложение отвести ему участок, а взамен этого Моссовет нам дал другой участок и таким образом на дачу Матвеева мы денег не затратили. Ревизия, которая была у нас, тоже это дело установила.

На какие средства построена моя дача?

Я дачу строил не на территории института, а получил от Моссовета совершенно другой участок в совсем другом месте. Был закуплен в районах затопления сруб, я нанял рабочих и поставил этот сруб. Таким образом я выстроил себе дачу, и в этом ничего предосудительного я не вижу.

Меня спрашивают: откуда вы взяли денег на дачу.

Пожалуйста. Я не всегда был такой подлец, каким меня хотят разрисовать некоторые товарищи. Я получил в 33 году премию от т. Серго – 2 тыс. рублей. в результате первого тура я получил тысячу рублей, в результате второго тура – тысячу рублей, в результате третьего тура я был премирован пианино. Если вы подсчитаете деньги, которые я получил за под'ем работы в институте, это составит солидную сумму. Да еще кое-какие вещи, которые мне пришлось продать. И затем я одолжил у людей деньги для того, чтобы закончить дачу. А сейчас я должен рассчитываться.

Как вы использовали дачу, кому вы сдали ее в аренду?

Для того, чтобы расплатиться с долгами – а всего их у меня 5 тыс., которые я одолжил на достройку дачи – я должен был и должен буду стремиться к тому чтобы вернуть эти деньги тем товарищам, которые мне их одолжили. Одной организации я сдал свою дачу на зиму под лыжную станцию. Я не вижу ничего скверного в этом. Что хотел сказать этим т. Головинцев? Это разрешается и нашей Конституцией.

Задают вопрос о каком-то посреднике, и из каких средств я заплатил дипломнику Гжебину [Гржебину]?

Это надо спросить тех, кто писал эту записку, кто хочет навести день на ясный день. Гжебин у нас был физкультурным работником, т. Головинцев его исключил – я не знал этого. Гжебин хотел снова поступить тренером к нам. Я спросил у Золотарева о нем. Она сказала, что он исключен, и я отказал ему.

Говорил ли я при обмене партийных документов о Зернове то, что я говорил здесь на партийном собрании?

К сожалению, мне не пришлось обменивать партийные документы Зернова – он обменивал у Наугольнова. Что я мог записать относительно Зернова в тот год?

То, что я сейчас заявил о Зернове – это вещи, которые выявились после ареста Кривина. Об участии Зернова в группировке конечно я знал, и об этом знали многие – об этом знали и секретари районного комитета, в составе которого мы были – т. Осипов, и этой группировке в то время не придавали политического значения. Я считал, что эта группировка имеет исключительно внутреннее значение для того, чтобы свалить во что бы то ни стало директора.

Когда я придавал этому политическое значение?

Когда я понял, что эта группировка является антипартийной группировкой?

Тогда, когда отдельные люди, участвующие в этой группировке, стали разоблачаться, когда они стали арестовываться органами НКВД. И когда я посмотрел кто в числе этих людей, то Зернов там занимал первое место как первый заместитель Кривина по партийному комитету.

Говорил ли я об этом на собраниях?

Если, товарищи, вам память не изменяет, то на собраниях я вам об этом говорил. Напомню вам реплику т. Трифонова; когда я резко обрушился на профком и на комсомол, он мне сказал – «правильно. Парторганизация должна этим делом заниматься». Так что в марте и в апреле я говорил об этом деле: как помогают, как классически содействуют развалу нашего института. Вероятно в стенограммах это записано, но у меня в памяти осталось только выступление Трифонова.

Ставил ли я еще где эти вопросы?

Насчет райкома я вам говорил. Ставил ли эти вопросы на организации?

Да, товарищи, может быть не столько и не так, как надо ставить, но было время, когда эти вопросы я ставил на партийных собраниях и на партийных активах.

В 30 году, когда эта группа людей впервые подняла это дело, было создано специальное партийное собрание, где был поставлен вопрос о взаимоотношениях с директором. Создание постановило, что вместо травли нужно создать директору авторитет, надо его массово поддержать. В 1932 году было хорошее партийное руководство – Серкин, Матисен, Шевцов. И только в 34 году, когда пришло руководство Юдина и других его

друзей, тогда опять началась эта же самая волынка. Я объяснял вам в прошлый раз, как пришел Юдин против воли райкома. Значит, об этом знал райком. С какой оценкой ушел Юдин отсюда, райком знал. Так что вопросы эти были достоянием и РК, и партийных собраний – начало и конец 35 года. Я ставил эти вопросы и в ЦК. Вот меня здесь торопят – я бы мог вам зачитать, где, когда и у кого я ставил эти вопросы.

(СИМОНОВ. Очень коротенько. Потом у вас будет время, дадим вам слово.)

Тов. Симонов! По уставу партии, я имею право отвечать на вопросы.

(СИМОНОВ: нельзя же злоупотреблять уставом. А нам работать надо.)

– Вам легко исключить человека из партии, а потом предложить ему сворачиваться. Я отвечаю на те вопросы, которые мне заданы.

Я писал т. Андрееву в двадцатых числах апреля этого года – в комиссию я представил этот материал – относительно положения дел в институте, и просил его меня принять. Правда, т. Андреев меня не принял.

Следующий вопрос: если вы отрицаете, что на активе сознательно выступали о подхалимстве, то почему еще раз подтверждаете сейчас?

Товарищи, я на активе и сейчас говорил, в чем я действительно виноват. Я виноват в том, что я, старый член партии, настолько потерял партийную бдительность, что стал подхалимом по отношению к Петровскому. Повесил его портрет. Из-за этого я не сумел в достаточной степени остро, резко ставить вопросы, замечать недостатки в работе ГУУЗ'а, которые были. В этом моя вина – за это меня секите.

А что было там, на партийном комитете?

Вопрос ставится так, что я заявил, что я шесть лет занимаюсь вредительством в институте, шесть лет зажимаю самокритику в институте. Я прошлый раз говорил, как это дело было. Когда мне давали реплики, и когда Зернов после целого ряда выступлений по докладу Матвеева заявил: и там плохо, и там плохо, и портрет висел – значит надо записать, что шесть лет занимался вредительством. Ну, во первых арифметика не совсем сходится. Если подсчитать, выходит не шесть лет, а три года... Что же поделаешь? Я не замечал этого вредительства, я не боролся с ним достаточно. А теперь я спрашиваю: если я шесть лет занимался вредительством, почему Зернов и другие не исключили меня тогда из партии? Почему они не только не исключили меня из партии ни в апреле, ни в мае, ни в июне, июле, августе – а исключили только после того, как взялись за самого Зернова?

Чем объяснить долготерпение по вопросу травли группой троцкистов?

Я уже отвечал на этот вопрос. Я долготерпением не занимался, я эти вопросы ставил перед вышестоящими организациями, и здесь. Правда, у нас в организации недостаточно ставил, не прибегал к непосредственной помощи парторганизации.

За последние два-три года институт улучшил или ухудшил свою работу?

Если говорить относительно того, стало ли лучше или стало хуже – тут надо посмотреть, в каких областях. Например, в области учебной нашей работы, я бы не сказал, чтобы мы работали хуже. Мы имеем целый ряд достижений здесь. Имеем достижения в области преподавательского состава, мы добились того, чтобы иметь освобожденных преподавателей, мы их пригласили, чтобы они в основном занимались политическим воспитанием: Розендорн, Забродский, Цыпин и др. Имеем достижения в области выполнения решения ЦК партии. В 36 году мы имели очень много недостатков в области нашей производственно-хозяйственной работы. С этими недостатками мы боремся. Если партийная организация и общественная организация будут работать так, как этого требует устав нашей партии, то наш ВУЗ станет опять передовым советским ВУЗ'ом. По непонятным причинам о нашем институте идет такая нехорошая слава, которую распространяют люди из нашего же института. Я же считаю, что он имеет все основания стать передовым ВУЗ'ом в нашем Союзе.

(Головинцев: он не ответил еще на один вопрос. Там есть записка.)

Читали ли вы книгу Гитлера, «Моя борьба». Если читали, то где брали?

Я видел эту книгу, мне ее показывали. Это издание ЦК ВКП(б) на русском языке. В комиссии я скажу, у кого я видел. Я прочел несколько страниц.

Не Петровскому ли принадлежит инициатива ухода Скорикова, Рузина и др.?

Да, Петровскому принадлежит изгнание из института Рузина, Скорикова и других.

чет, чтобы отец был при ее последних минутах...
А сейчас это об"ясняется непартийным победением.

Меня обвиняют в том, что я был знаком с Червяковым.
Верно, товарищи, я давно работаю и был знаком со многими.
Вы учтите, что я был членом Правительства Белоруссии, был
членом ЦК Белоруссии, а Червяков был председателем ЦИК
Белоруссии. Конечно я был знать его. Должен и обязан.
Червяков был большой человек, а я простой директор ВУЗ"а
Червяков-председатель ЦИК"а - ему нужно устроить своих
детей в ВУЗ. Он приезжает сюда. Разоснал меня, приезжает
на двух машинах но мне на дачу. "Помоги устроить детей".
Я считал своим долгом помочь ему устроить его детей в
институт. У нас учились раньше дети Калинина, сейчас
учится сын Андреева...

Центральный архив ФСБ РФ

/Лавроцкий: почему вы ставите их рядом/.

Я не ставлю их рядом. Я прошу меня не понимать так, как
не нужно. Я говорю, что Червяков был председателем ЦИК"а,
ему надо было устроить детей. Он знает меня по Белоруссии
и он попросил меня. Я пригласил и ним преподавателя, они
стали заниматься и поступили на курс. Плохо они занима-
лись: Он приезжал еще раз, просил меня помочь им - я по-
мог. Я не знал, кто он. И с 1924 года до 34 год он не
знал меня, не вспоминал меня, а когда ему нужно было
устроить детей, он вспомнил, что есть Краснознаменный
Институт в Москве, лучший в Советском Союзе.

Репле. Немецкий рабочий, который работал у нас в лабора-
тории. Просто не понимаю. Я владею немецким языком
вы это знаете. В 1925 году я получил путевку в санаторий
"Светлана" на юг. Прихожу оформляться. Но меня стоит
человек, который ничего не понимает - его спрашивают имя,

ПРЕНИЯ

КУНЯВСКИЙ

Тов. Цибарт говорил примерно около двух часов, и нужно сказать, что это выступление с точки зрения защиты себя, как члена партии, является выступлением правильным.

Он к этому выступлению тренировался и мы его тренировали ровно шесть-семь месяцев. Документы, которые т. Цибарт здесь приводил, это документы, о которых мы ему говорили – он их доставал. И когда разбирался этот вопрос в партийном комитете, ни о какой травле не могло быть и речи. Мы говорили ему: подготовь документы, доставай документы! Но когда т. Цибарт выступает с опровержением решения партийного комитета, то надо читать документы, как коммунисту.

Партийный комитет правильно поставил вопрос, что то, что можно разбирать, комиссия будет годами разбирать. Но так как нам был предоставлен ограниченный срок, поэтому были поставлены четыре вопроса.

Первый вопрос – о взаимоотношениях с Петровским. Второй вопрос – строительство Института, и какова роль здесь Цибарта.

Третий вопрос – роль Цибарта в учебной и хозяйственной деятельности. Вот все вопросы.

/С места: только три вопроса здесь/.

В учебной и хозяйственной жизни – это два вопроса.

Поэтому в первую очередь по этим вопросам я и должен ответить.

Вопрос о взаимоотношениях между Цибартом и Петровским. Давайте товарищи условимся – не будем идти на дешевые номера. Цибарт ставит вопрос так – что "говорят, что Цибарт вредитель, а я говорю, что я не вредитель". Если бы мы говорили, что Цибарт вредитель, то мы разговаривали бы с ним не здесь, а в другом месте. Когда речь шла о связи Цибарта и Петровского, мы понимали эту связь как политическую и стремились ее выяснить. Можно ли было ее выяснить у Цибарта? Конечно нет. Куда нам было обращаться по этому вопросу? В парторганизацию ГУУЗ'а. Мы туда и пошли. Больше того, мы даже были педантичными в этом вопросе.

Мы ни с кем из членов партии ГУУЗ'а не говорили вне территории ГУУЗ'а и в отсутствие секретаря партийного комитета. Мы перед Орловым ставили вопрос: кто ваши люди – мы знать не можем. Мы к вам пришли от парторганизации, и вы нам отвечайте как парторганизация.

Тогда они приглашали людей, с которыми мы говорили. Мы говорили только с людьми, которых нам указывал партийный комитет. И даже все то, что говорили, так как было много наносного – одному нравится нос Цибарта, другому не нравится нос Цибарта – мы все отбросили, и оставили только те вопросы, из которых видно, что Петровский хорошо относился к Цибарту.

Откуда видно, что Петровский хорошо относился к Цибарту?

Первый факт это то, что Цибарт был выдвинут в члены Ученого Совета при наркоме. Можно поставить вопрос таким образом, что в конце концов, в Совет, при наркоме, выдвигался не Цибарт, а директор института Баумана. Сидел бы допустим Сидоров, Петров – его выдвинули бы. Серго сам это сделал, или ГУУЗ вместе со своим руководителем? И в парторганизации работники утверждали, что список людей представлялся Серго непосредственно Петровским. Что мы могли сделать, и как мы могли этот вопрос проверить?

Но можно ли из этого сделать вывод, что Петровский плохо относился к Цибарту. Никак нельзя было сделать такой вывод.

В Комиссии советского контроля студенты ставили целый ряд вопросов о целом ряде безобразий в институте. Москвин ставил вопрос: если о Цибарте поставить вопрос повыше – останется он или не останется. И Петровский дает реплику: "моментально его снимут", и тут же говорит: "дайте пять дней сроку я заставлю Цибарта исправиться".

Можно ли из этого сделать вывод, что Петровский относился к нему плохо? Нельзя!

Третий вопрос. Пишутся статьи в журнал, который редактирует Петровский. В статье ["Основное звено"], которую писал Беляков – тоже враг народа – пишется, что институт не справился со своими задачами, провалил работу. Редактирует эту статью Петровский, и все те места, которые касаются Цибарта, зачеркиваются, а там, где касается вопрос Института, руководимого Цибартом, такие формулировки: например вместо того, что "институт не справился с этой задачей и подошел к ней не по большевистски" – эта фраза вычеркивается и пишет: "институт на первых порах не понял тех задач, которые перед ним стоят". Мы попросили, чтобы нам представили редакционный экземпляр, где видна была бы эта правка Петровского. Редакционный экземпляр был нам предоставлен.

Можно ли из этого сделать вывод о том, что Петровский относился к Цибарту плохо, или о том, что Петровский относился к Цибарту хорошо? Из этого можно сделать вывод, что Петровский к Цибарту плохо не относился. Мы с Петровским не говорили, мы ему в душу залезть не могли, а мы делаем вывод из материалов.

Вопрос о подхалимстве.

По существу говоря, у Петровского не было оснований не только плохо относиться к Цибарту, но вообще как директор Цибарт для Петровского был удачной фигурой. Почему? Подхалимство, о котором он сам говорит, и которое известно, и о котором говорили на активе комитета по высшей школе, которое уже в зубах навязло разве это была борьба против Петровского?

Приезд Петровского в институт обставлялся как приезд хозяина и шефа, которого надо было встретить как бога. Конечно, все это создало только авторитет Петровскому.

Совет института был трибуной для Петровского. Если Петровскому нужно было показать свой авторитет, он это делал через Институт.

Поэтому нет никаких оснований предполагать, что между Цибартом и Петровским не было плохих отношений, а все говорит за то, что Петровский ничего враждебного Цибарту не предпринимал.

А все ли так относились к Петровскому.

В парторганизации есть люди, которые помогали партии разоблачить Петровского. Но делать выводы, что Петровский и Цибарт были политические единомышленники, это было бы слишком по интуиции. Поэтому, что мы записали в том документе, который представлен в партийный комитет?

Мы не писали о политической связи, а мы писали "об отношении Цибарта к врагу народа Петровскому".

/Читает [текст в стенограмме не приводится; см. на главной странице]/

Что здесь неправильно написано? Что здесь надумано? И что здесь не объективно?

/ЦИБАРТ: а о Куколевском/

Что о Куколевском.

Второй вопрос – в отношении строительства.

Вредитель Цибарт, или не вредитель?

Если бы у нас был материал, что он вредитель, то опять мы тут говорили бы не о партийности. Но нельзя так наивно представлять этот вопрос, как представляет это Цибарт. "Начальнику ГУУЗ'а Петровскому" Цибарт зачитал этот документ с начала, а я зачитаю его с конца.

/Читает/.

Товарищи, о чем идет речь? Я не знаю, как так быстро Цибарт перестроился. И вариант, о котором говорил Цибарт в партийном комитете, был честнее и порядочнее. Не Цибарт предложил прекратить это строительство, а Петровский предложил прекратить это строительство.

У директора, у Института, была полная ясность, что в ближайшее время никакого МЭИ [корпус физического института] институт не получит, и что даже если он получит МЭИ, его нужно дополнительно строить.

Из предосторожности нигде здесь не написано, что "я, директор Цибарт, обдумав ваше предложение, считаю его правильным". Цибарт пишет, что "обдумав ваше предложение я сомневаюсь в вашем предложении, вы хотите меня обмануть, но обманите меня официально. Нарком предложил мне строить, а вы предлагаете мне МЭИ".

Есть указания, что в истинность этого предложения он не верит, и тут же переход на чисто деляческие рассуждения с Петровским. Не ставится вопрос принципиально о строительстве института, а ставится вопрос, что кроме этого нам необходимо провести кое-какие работы, некоторое расширение и переоборудование лаборатории. /Зачитывает/.

Спрашивается: что здесь было? Отказ от варианта Петровского, или согласие? Ни отказа, ни согласия, мы не видим. Цибарт переходит на крохоборнические цели.

Ставил ли он вопрос так резко, как его ставили беспартийные, которые входили в созданную так называемую строительную комиссию? Строительная комиссия, обсудив создавшееся положение, с самого начала потребовала от Цибарта, чтобы он обратился к Наркому для того, чтобы все вопросы, связанные со строительством, разрешить в духе приказа, подписанного наркомом. Кто был в этой комиссии? Куколевский, Смирнов, Осецкимский, Герке, Деев, Трапезин. Вот, что они писали:

/зачитывает протокол комиссии, от 23 ноября 33 года/.

О чем шла речь в комиссии, как ставился вопрос и как был записан вопрос?

/С места: а мнение партийного комитета по этому вопросу было?/

Не знаю. Цибарт говорит, что ему партийный комитет всю пятилетку утвердил.

/С места: почему комиссия не поинтересовалась/

Интересовалась. Имеется протокол, где написано: "Слушали: сообщение Цибарта о пятилетнем плане.

Постановили: одобрить."

Я думаю, что если бы речь шла о консервации института, то значит, они умышленно скрывают этот вопрос.

/С места: беспартийная комиссия разбирала этот вопрос, а партийный комитет не разбирал/?

Что вы меня спрашиваете про партийный комитет, в котором я не был?

Как мы рассматривали этот вопрос, и как Цибарт соглашался с этим вопросом? Это неважно, что Цибарт сейчас не соглашается. Пусть он сейчас не соглашается – мы записали: "комиссия, ознакомившись о начале строительства и его консервации ..." /читает/

Цибарт говорил, что комиссия не объективна, что комиссия записала, что приказ наркома не выполнен. Здесь ясно сказано: "не выполнил основного пункта о строительстве нашего института, пункта об отпуске валютных ассигнований на дооборудование". /Читает/

Поэтому мне кажется, что вопрос относительно хозяйственных дел, вопрос о строительстве упрощать настолько, насколько желательно Цибарту, нельзя, даже если пользоваться его документацией.

Там, где документами можно не пользоваться и там, где документы могут быть спорными вопросами об отношении Цибарта к учебной жизни, хозяйственной жизни, вопрос о стиле работы Цибарта. Но, товарищи, давайте не будем Фомой, который все забывает.

С чего начала работать комиссия? Были взяты стенограммы партийных собраний. Товарищи, в том то и беда института, что в течение ряда лет, какой бы вопрос не начинали, все равно речь шла о Цибарте.

Когда мы просмотрели протоколы партийных собраний – на 70% речь шла о Цибарте. Эти официальные выступления на партийных собраниях, которым Цибарт ничего не противопоставил, являются документами для комиссии и партийного комитета? Или все эти выступления были безответственными и демагогическими?

Мы считали, что все эти выступления были ответственными и речь шла относительно той проверки, которую можно провести в течение полутора-двух месяцев.

Можно говорить так, что "я руковожу хорошо, но работа выходит плохо". Смотря как подходить. С точки зрения Цибарта, объективный подход такой, что каждому надо встать на место Цибарта, и тогда ни в одном вопросе не разберешься. Не может же быть, чтобы Цибарт хорошо руководил всей работой, а работа была плохая?

Не может же быть, что Цибарт хорошо руководил, а хозяйство было плохое? Значит в этом есть доля участия самого Цибарта.

Комиссия даже слишком объективно подошла к Цибарту. В конце концов мы никогда не получим документов о том, что Цибарт вредитель.

О том, что у Цибарта были политические связи. Мы писали в НКВД, что у нас имеются такие материалы – помогите нам проверить.

Смешно было бы, чтобы НКВД нам помогал. Поэтому все то, что здесь есть, я думаю, что члены комиссии выступят и расскажут.

По вопросу о методах Комиссии. Нет оснований от чего либо отказываться. Можно только говорить о том, что все здесь слишком осторожно написано, и надо было бы писать крепче. И может быть, пользуясь этой, слишком большой осторожностью, Цибарт решил здесь все дело перевернуть. Это только у Клима Самгина идет проблема в трех томах – был мальчик, или не был мальчик, когда мальчик уже утонул.

В течение года я сделал три научных работы, а пока работал в этой комиссии, я даже одной четверти одной работы не продумал.

Вопрос, который поднимается Цибартом относительно работавшей здесь бывшей в институте враждебной группировки.

Со всем этим делом нужно разобраться. И совершенно ясно, что для нас – я не беру ответственности за весь партийный комитет – ясности для нас нет.

Почему? Потому, что Цибарт говорит иногда не подумав и безответственно. Приведу такой пример. Он говорит: "Дыскин бандит, троцкист". Известно, что этот Дыскин член парторганизации, работает на заводе Сталина, руководит пропагандистами, в 23 году он голосовал за троцкистскую платформу. Бандит и троцкист – это две вещи разные, этого забывать нельзя. Жена Дыскина студентка нашего Института, после прошлого нашего собрания подходит и говорит: "товарищи, я не понимаю в чем тут дело: когда Дыскин был болен, Цибарт писал ему письмо – не надо ли ему чем помочь".

Кривин враг народа. Надо обязательно разобраться во всей этой работе. Эдельштейн тоже враг, разваливший работу. Мне же на сегодня известно, что Эдельштейн технический директор Шарикоподшипника.

Где же такие вещи виданы? От Цибарта и Жебровского я все время слышу: "бандиты, троцкисты, они работают?".

О Кривине и о пособниках Кривина. Что Кривин вел вражескую работу в нашем институте, в этом, я думаю, сомневаться никто не будет. Надо, чтобы Цибарт проанализировал и сказал: в чем вредительство, как исправлять.

Ведь никакой доблести нет – после того, как Кривина арестовали, сказать, что он враг народа. Надо этот подход проанализировать. И об этом директор института ни одного слова не говорит.

О Зернове речь будет идти. Но когда речь идет о Зернове, то он говорит, что Зернов помогал Кривину, и не делает анализа этого.

/Цибарт: я дал анализ в ЦК партии/.

Я же не ЦК партии.

/Цибарт: на 15 страницах написано/.

Я читал этот документ. Но нельзя ставить вопрос так, что "я писал в ЦК, а вам, парторганизации, я сказать этого вопроса не могу".

Хорошо. Я читал, мне лично Цибарт давал читать этот документ. но вся парторганизация не читала этого документа. Поэтому ссылка на документ, который неизвестен – она невозможна.

От Цибарта надо потребовать, чтобы он дал совершенно ясный анализ, в чем, на каких конкретных участках, какие люди вели вредительскую работу, и как они вели эту работу.

Второй вопрос. У Цибарта два варианта – один и другой. Не схожи. Когда речь идет о нем, как о Цибарте, он ставит вопрос, что наш Институт не плохой – мы три раза получали знамя. Когда речь идет об этой группировке, он говорит, что она вредна. Что-же за вредительство нам давали знамена?

/Цибарт: ох, Вася, не перегибай. При Юдине как раз отобрали/.

/С места: товарищи, мы оказываемся здесь просто в дураках: два часа говорил Цибарт, теперь комиссия оправдывается целый час. Кто тут обвиняемый и кто тут оправдывается/?

Совершенно ясно, что решение партийного комитета об исключении Цибарта из партии, в тех ответах, что он давал, не может вызывать сомнения.

СОКОЛОВ

Товарищи, я хочу остановиться о Цибарте, как о руководителе института, и как о директоре, который был во власти подставных лиц врага народа Петровского.

Вы вероятно знаете, особенно те товарищи, которые тут давно, какое количество его помощников менялось в течение последних пяти лет. Метод работы, который применяет т. Цибарт, безусловно ведет к тому, чтобы так часто сменялись руководители.

Я хочу остановить ваше внимание на периоде 36 года, когда мне пришлось быть директором НИК'а.

Осенью в августе, в сентябре, был издан приказ закончить ремонт во всех учебных помещениях и приступить к ремонту в лабораториях. Вам известно, что состояние лабораторий весьма плачевно. Мы имели почти каждый день делегации профессоров и кафедр о том, что такая то лаборатория не может поставить учебного процесса, потому, что там развал.

И несмотря на это приказ Цибарта не выполняется в течение сентября-октября и дальнейших месяцев.

В чем дело? А дело в том, что т. Цибарт с вридом Матвеевым были пособниками и помощниками врага народа Петровского.

Я приведу небольшой пример с постройкой гаража для автомобильной лаборатории проф. Чудакова.

Смехотворная история. Около пяти или шести раз было заседание у Цибарта. На последнее заседание пригласили самого Петровского, который поругал Цибарта, что он задерживает строительство, и обещал, что в январе будет построен гараж. И на сегодня этот гараж не построен.

Еще такой штрих хочу привести. В августе зам. директора Матвееву потребовалось, чтобы гараж и гужтранспорт были переданы в его распоряжение, потому что здесь была полнейшая суматоха с распределением легковых машин. Чтобы сосредоточить центр у Матвеева, Цибарт написал проект приказа о том, что гужтранспорт и автотранспорт передается в ведение зам. директора Матвеева. Проходит 3 1/2 мес., и я получаю такой приказ /читает приказ/ То-есть такой издевательский приказ, который заслуживает внимание. Я прихожу к Цибарту:

– Вы по ошибке издали такой приказ?

– Как по ошибке? Вы развалили работу.

– Ничего подобного. С августа я передал транспорт вашему заместителю, с него и спрашивайте.

Издается третий приказ, совершенно смехотворный /Читает/

Получилась безусловно комедия, бухгалтера посмеялись и все так осталось.

ГОЛОВИНЦЕВ

В институте, товарищи, очень много неполадок. В частности, мы все очень часто и очень много говорим о том, что учебные программы у нас составлены неправильно. Да и сам т. Цибарт, который здесь пытался отказаться от своих слов на партийном комитете 21 марта с/г. заявил, что мы учим студентов по вредительским программам.

Производственная практика. Возьмите неполадки с общежитиями, со стипендиями и т.д. Посмотрите наши кафедры, насколько они крепки. Я об этом не буду говорить. Я только скажу, что раньше нам это казалось недостатками, потому, что у нас плохой аппарат, плохой директор, не умеет работать, не умеет наладить как следует.

Теперь, когда мы имеем перед собой решения февральско-мартовского Пленума ЦК партии, имеем целый ряд статей по указанию товарища Сталина, о том, как работают враги, мне лично товарищи, все эти недостатки кажутся несколько в ином свете.

Возьмите учебную программу. Перегруз на первых двух курсах и соответствующий недогруз на последующих двух курсах. Это можно истолковать просто неумением работать. А мне кажется, это делается с явной целью снизить качество выпускаемых специалистов.

То же самое можно отнести ко всем неполадкам, которые у нас имеются в институте.

Неполадки в отношении материально-бытового обслуживания, общежитий и проч. Мы знаем, что это делалось врагами в очень большом количестве мест с явной целью вызвать недовольство населения, недовольство студенческой молодежи. Мне кажется, что в этом свете нужно посмотреть и на те дела, которые делаются в институте.

Возьмите такой вопрос – засоренность нашего института. Ни для кого не секрет, что у нас в институте очень много людей, которые не должны были бы здесь быть, и которые благодаря работе органов НКВД изгоняются отсюда.

Остановлюсь на некоторых фамилиях. Была у нас студентка Яковлева – сейчас арестована органами НКВД. Как сюда поступил этот человек? Вот дело этой Яковлевой.

На нем поставлено: "принять в виде исключения без испытаний". Она принимается в 33 году, когда есть закон, что ни один человек без испытаний в Вуз не может быть принят. Выясняем – откуда такая резолюция. Дальше идет резолюция В.В. Балабина: "как закончившую успешно техникум, зачислить без испытаний". Когда мы его спросили, почему он наложил такую резолюцию, Балабин говорит, что Цибарт велел ему зачислить – "найди какойнибудь предлог". "Ну", говорит – "я думал, думал и нашел предлог – как успешно закончившую техникум".

Как поступили в институт дочери Червякова? Имеется контрольная работа их по математике. Преподавателем написано: "плохо". А в зачетных карточках написано "посредственно" – А.Ц. /Адолф Цибарт/.

Никаких следов о том, что Цибарт принимал их испытания – нет.

Коломейцева – арестована. Сколько раз она поступала к нам в институт! Имеется сомнительная записка: "принять т. Коломейцеву на условиях договоренности с Воскресенским". "Товарищи" – я конечно говорю уже в кавычках.

/С места: а Коломейцева была у нас активистка/.

Да, была.

Мне тов. Цибарт приписал один вопрос, который я правда не задавал – о Гржебине. Гржебин был у нас очень известный физкультурник, которого мы раз десять вышибали от физкультуры. Как он поступил в институт – я только сейчас на партийном собрании узнал, что Беляков враг народа. Но мне кажется, что есть резолюция Белякова зачислить его в Институт. И что делает этот человек? Физкультуру он разваливает. Мы собирали собрание, чтобы прогнать этого Гржебина.

Теперь, что получается? Я т. Цибарт ничего не проверял, и мне это не интересно. Но знаю одно, что Гржебин является секретарем спортивного общества "Искусство", которому вы сдали в аренду свою дачу.

И после этого вы пытались Гржебину выплатить часы.

Засоренность нашего института. Учатся у нас иностранные поданные. Петрида в прошлом году, как иностранного поданного, ошибочно принятого, на заводе Сталина исключили из комсомола и написали директору, что все иностранные поданные должны платить плату за право обучения. А почему он до сих пор получает стипендию?

Попов – болгарский поданный. Сейчас выслан из пределов Советского Союза. Кто у нас его ласкает и голубит?

Заместители декана Ляшук и Лунц – сейчас арестованные, как польские шпионы. Кто их подбирал. А вы тов. Цибарт говорили, что на этом обще-техническом факультете и есть вредительские планы.

Я считаю, т. Цибарт, лучше было бы, если бы вы вышли и рассказали собранию.

/Цибарт: а вы посмотрите, кто их принимал/.

А вот вы и сейчас никаких выводов не делаете.

После этих фактов у меня лично меняется мнение о всех неполадках в нашем институте. Мне начинает вспоминаться целый ряд вещей, которые раньше казались мне в ином свете.

Я задавал вопрос т. Цибарту – читал ли он книгу "Моя борьба". Я расскажу об этом и думаю, что т. Цибарт не откажется.

Однажды я разговаривал с Цибартом в Ленинграде, в его номере. Был такой повод.

Мы были в Ленинграде. Начинался процесс над Каменевым, Пятаковым и проч. Окно номера Цибарта выходило на германское консульство. Была демонстрация по поводу процесса. Немцы вывесили вместо государственного флага фашистский флаг с изображением этой сволочи. И это у нас послужило поводом для разговора.

Вы мне подробно рассказали содержание книги "Моя борьба". Я думаю, что не читая, нельзя ее рассказать. Вы мне рассказали биографию Гитлера. Я спрашиваю:

– Откуда ты все знаешь, т. Цибарт?

Он говорит: нам, большим работникам, дают читать.

Я заинтересовался этим делом. Видя мою заинтересованность, Цибарт говорит:

– О это Андрей интересные вопросы. Ты бы собрал актив свой, я бы рассказал об этих делах.

Цибарт не хочет руководить кружком, а вот рассказывать биографию Гитлера он найдет время.

Я думаю, что т. Цибарт не откажется от этого, если он честный человек.

/Цибарт: я же по твоему не честный/.

Мне кажется, что это надо проверить. Я уверен, что и большим работникам не дают эти книги читать.

Насчет знакомства с женой Червякова. Я был свидетелем, как вы с ней разговаривали по телефону. Почему же вы отказываетесь, что вы ее знали хорошо? По моему, этот разговор был, и вы говорили, что жена Червякова такая барыня, с которой трудно разговаривать.

Я был свидетелем, когда в 12 часов ночи, после доклада Червякова через месяц, месяца за полтора до самоубийства Червякова, Цибарт посылал к нему Зайцева с какими то бумагами. Вы об'яснили, что это было

сделано для того, чтобы просить денег на строительство. Я сомневаюсь, чтобы председатель Белорусского ЦИК'а давал деньги на строительство нашего института. Во всяком случае, в двенадцатом часу ночи, денег не просят.

После партийного собрания по итогам февральско-мартовского пленума ЦК партии, после актива в КВШ, я имел с вами разговор, на который вы ссылались в своем выступлении. Это было в вашем тайном кабинете.

/С места: что это за тайный кабинет/?

Есть у Цибарта такой. Не знаю, сейчас есть? Над библиотекой был кабинет, в который проникнуть можно было только людям искушенным.

О чем там был разговор? О том, что Цибарт, выступая у Межлаука на активе, говорил против меня.

И Межлаук сказал ему: "неужели директору нечего больше говорить". И было сказано, что вам нельзя больше оставаться в институте. Цибарт угрожает: "я пойду к Косареву" и т.д. Потом он пришел ко мне и извинялся. Говорил, что он сделал выводы. Какие?

– Я уйду из института.

– Ну уходишь, ладно.

Я приветствовал это его умузаклучение. Дальше он просит:

– Дайте мне спокойно уйти из института. Дайте мне 10-20 дней, не выступайте против меня...

/С места: а взятку не давал/?

Нет. После этого Цибарт говорит: я де, мол, не плохой большевик, я 20 лет в партии.

Я говорю: я в этом не сомневаюсь...

– 20 лет в партии, это большое дело. Возьмите такой поворот, как коллективизация: раздумья были, но все-таки я в партии.

Цибарт может отказаться от этого дела, это его дело. Но от всего не откажешься. У меня есть и свидетели кое-где. Я знаю, что когда был разговор в этом тайном кабинете, Зайцев дежурил у двери с той стороны – я не знаю почему.

/В зале смех/.

Несколько слов по существу выступления т. Цибарта.

Как Цибарт оправдывается? Он выставляет документы с печатями... Ты покажи т. Цибарт себя, покажи свои дела. А их показывать тебе очень невыгодно.

/Цибарт: да, пока ты говоришь/..

Он вспоминает собрание 29 в клубе "ПРОЛЕТАРИЙ". Я тогда не был секретарем. Зачем же мне это приписывать? Это одно. А второе – я ничего не вижу плохого в этом собрании, что вас там покритиковали.

Ведь вы же извинялись и Айзенман извинялся.

/Цибарт: я не извинялся/.

Он говорит о неоднократных поездках Стриевского в наш Институт. Стриевский очень плохой помощник – сейчас он сидит. Нельзя ссылаться на такие "авторитеты" – это вам невыгодно.

Уход Скорикова, Рузина, он об'ясняет, что их затравили. Надо говорить правду. Ведь вас вызвал Петровский и сказал: "убери ты этих людей".

/Цибарт: это по вашему пред[по]ложению/.

Я считаю, что решение партийного комитета об исключении т. Цибарта вполне правильно, и кое какие вопросы надо будет дальше проверять.

СУББОТОВСКАЯ

Товарищи, я в руководстве комсомольской организации и партийного комитета никогда не состояла, поэтому непосредственно с т. Цибартом мне не пришлось сталкиваться. Но я хочу сказать мнение многих студентов, и как я отношусь к выступлению т. Цибарта.

Товарищи, мне молодой коммунистке, мне больно слушать, как выступал старый коммунист. Я ожидала от него другого выступления. Все товарищи, которые присутствовали на прошлом собрании, все могли заметить такую линию выступления т. Цибарта, что он старался всячески очернить людей, которым мы доверяем, которые не являются врагами, и которые пользуются гораздо большим авторитетом, чем т. Цибарт.

По т. Цибарту выходит, что все время как он приступил к работе, из института его стараются изгнать, что де, он хороший работник, что знамя забрали не потому, что он плохо работает, а потому, что плохо работает партийный комитет, и профсоюз. Тут получается так, что группка какая то существовала, и существует до сих пор.

Тов. Цибарт, если ты был действительно хорошим работником, почему бы было заявление т. Наугольнова и Симонова о том, чтобы ты ушел из Института? Они не враги народа, они наши друзья, они заинтересованы в том, что должна быть работа в институте. Следовательно, ты с работой не справляешься.

Я не знаю чем это об'яснить – может быть тебе действительно не помогали, но во всяком случае так политически чернить всех людей, это ужасно нехорошо.

Тов. Цибарт приводит такой пример, что т. Наугольников пошел специально собирать материал о том, что он прочел только 80 часов. Очень жаль, что т. Наугольников так поздно достал этот материал и нельзя ставить это в вину т. Наугольникову.

Какое дает себе оправдание человек, который 20 лет находится в партии? Видите-ли это делают и другие люди, а меня обвинили. Я взял деньги, за мной числятся часы, я их прочту

Сперва их надо было бы прочесть, а потом деньги брать. А не защищаться тем, что так делают другие. Ты, как старый коммунист, не должен защищаться другими, что и другие так делают.

Здесь надо разрешить вопрос, существует ли эта группа и сейчас, которая заинтересована в том, чтобы развалить институт. Я требую, чтобы ты конкретно указал этих людей, чтобы выяснить правильно, или неправильно ты говоришь. У меня сложилось такое впечатление, что к этой группке можно причислить весь партком – т. Наугольнова, и т. Симонова.

Я думаю, что я выражу мнение не только коммунистов, но и многих беспартийных. Я пять лет в институте, и с тех пор, как я пришла в институт т. Цибарт никогда авторитетом среди студентов не пользовался. Это я могу заявить. И не потому, что кто то ходил и агитировал, что он плохой работник... Т. Цибарт? Дела агитируют за человека. Дела в институте были плохо поставлены.

Тов. Цибарт ставит вопрос, что зная забрали у нас потому, что плохо работал партийный комитет и профсоюз, а он работал хорошо. А чем объяснить такой большой процент неуспеваемости по нашему институту? Не только по тому, что у нас страдала политическая учеба, а исключительно потому, что у нас успеваемость плохая и вообще обслуживание студентов плохо поставлено. Я помню, чуть ли не каждый раз, как собиралось собрание, всегда ставился вопрос о столовой, что плохо поставлено общественное питание в институте. А кто отвечает за всю работу? Тов. Цибарт. Следовательно, ты плохо работал.

О совхозе, который с большими муками передали другому заводу. К несчастью, мне пришлось быть в этом совхозе. Меня послали туда на какую то кампанию. Хотя я в хозяйстве очень мало понимаю, но такого хозяйства, такой разваленности в работе, я не видела нигде. Это говорит о том, что совхоз Институт получил, а руководил этой работой неизвестно кто.

Я знаю тов. Цибарта из того выступления, которое он сделал в прошлый раз, и считаю, что т. Цибарт не должен быть в партии.

ЗЕРНОВ

Товарищи, я думаю, что всякие личные вопросы здесь сейчас поднимать не нужно, потому, что об этом очевидно будет разговор особый. Считаю только необходимым заявить в двух словах, что то, что Цибарт возвел на Зернова – я с полной ответственностью заявляю – что это есть клевета от начала до конца.

В чем конкретно Зернов считает себя виновным – я расскажу, когда разговор будет идти о Зернове. Причем эта клевета пускается не впервые по моему адресу. Вы были свидетелями одной клеветы, которую пустил Зайцев и остался совершенно безнаказанным – этот случай. И второй случай, когда пускал клевету Жебровский – тоже осталось это так.

/С места: а почему ты в защиту себя не подал куда следует/.

Сейчас позвольте мне остановиться на основных вопросах по делу Цибарта.

Что я считаю главным? Цибарта обвиняли и на партийном комитете, и обвиняем сейчас вовсе не за то, что у него мало или недостаточно исписано бумаги, и что не везде проставлены подписи и печати. И напрасно ты думаешь, что этими бумагами можно забаррикадироваться. А за то, что он, в лучшем случае, является об'ективным пособником врагам в их вредительской работе, которую они здесь, в институте, на протяжении целого ряда лет проводили.

Известно, что есть два рода документов. Один из них тот, что ты продемонстрировал собранию. Исписанные пачки бумаг. А другой вид документов – жизнь, живые факты и живые люди. О втором то документе ты соизволил умолчать и ничего не сказать, и поэтому не сделал надлежащих партийных выводов, чтобы воспитать парторганизацию на этих выводах, чтобы партийный комитет мог воспитать и поднять свой идейный уровень.

Я считаю, что в Институте вредительство было, есть и по сегодня продолжается в целом ряде вопросов.

Прежде всего, оно шло в производственном процессе, в учебе, в хозяйстве, в засоренности аппарата и студенческого состава, в методах работы и в методах руководства.

Каковы конкретные факты, которые мне известны как человеку, бывавшему в институте в течение целого ряда лет?

Взять учебный процесс. Это же основная линия нашей производственной жизни.

В чем тут шло вредительство? Не видеть его было нельзя. Здесь уже упоминали о перегрузке в учебных планах по обще-техническому факультету – факт бесспорный. Поэтому неслучайно, что в институте принимается до 70% отличников, а с курса на курс переходит до 70% хвостовиков – не успевают студенты.

Попытка объяснить, что студенты не успевают – это не партийное отношение к советскому студенту, это есть линия, которую вредители протаскивают именно в этом самом.

Не случайно, т. Цибарт, что в 35 году 80% студентов на обще-техническом факультете не выполнили черчения. Объяснить это тем, что студенты лодыри – это не советское объяснение. Чем же другим можно объяснить? Объяснить можно только тем, что черчение было втиснуто только в один год, и этим сорвано выполнение учебного плана почти у всех студентов.

Второе. Помните, в 35-36 году, какой был отсев. Ушли из института до 60% коммунистов. И я не думаю, чтобы т. Цибарт мог это объяснить иначе, кроме того, что это есть факт, который свидетельствует о вредительстве в институте, причем в самом решающем участке.

В учебных программах существует неувязка между целым рядом предметов. Я проиллюстрирую на некоторых фактах. Если взять курс теоретической механики, там в разделе статики требуются знания векторной алгебры. А когда проходится математика в теоретической механике, то эту векторную алгебру и не нюхали.

/ГОЛОС: А ее не проходят. Только векторный анализ/.

От этого существо дела не меняется.

Когда проходят в теоретической механике, в кинематике, где требуются знания криволинейных интегральных, проходят раньше, чем в математике, которые проходятся в самом конце. Это есть злоумышленная линия на срыв качества обучения. Это элементарные вещи.

В курсе физики есть раздел – термодинамика. К этому разделу обязательны знания студентов интегрального исчисления, а интегральные исчисления в курсе математики проходят значительно позднее, на целый семестр.

Курс черчения. В черчении выдаются листы на детализовку. В этих чертежах, если внимательно посмотреть, до десятка и больше найдешь грубых сознательных неточностей и студенты, выполняя это черчение, вынуждены неделю бегать, чтобы разобраться в этом деле. И объясняют это тем, что мы сознательно идем на то, чтобы студенты подумали над этим делом. Товарищи, надо толковать эти вещи языком партийным, политическим – это есть вредительские факты, безусловно. Если учебный процесс продолжать дальше, то увидите еще более серьезные вещи.

Возьмите линию на сужение профиля специалиста. Эта линия в самую сердцевину против решения ЦК и СНК. Я знаю два примера, но это не единственные. Взять специальность холодильных машин. Она по своей специальности должна выпускать инженера-конструктора и монтажника. А этого нет, есть перерасчет конструкций холодильных машин. Это – явная линия на выпуск неполноценных инженеров. Мог тов. Цибарт это дело видеть? Мог, если бы он хотел этим заниматься.

Есть специальность – двигатели внутреннего сгорания. Я не знаю в истории такого случая, чтобы в одном вузе существовали бы две одноименные кафедры и две специальности. А у нас в институте это существует и узаконяется. Есть две кафедры по двигателям внутреннего сгорания – на ТГМ и на тракторном факультете. На ТГМ готовятся специалисты с расширенным профилем, а эта же специальность на автотракторном факультете выпускает инженера только по автотракторным моторам.

Я не видел ни одного диплома – как подписывает Цибарт? Он обязан подписывать: "инженер механик по двигателям внутреннего сгорания / по автотракторным двигателям". И это будет инженер узкой специальности и не тот, который сейчас должен выпускаться советским вузом.

Эта же самая линия на сужение профиля и специальности может быть расширена примерами с факультета точно машиностроения. Я утверждаю, что там, как нигде, вредительская линия имеет место. Парторг этого факультета тов. Феликсон однажды поднимал этот вопрос на партийном комитете. Мы его не обсуждали, но это – факт, что там есть очень серьезные вещи.

Эти явно вредительские дела показывают, что в нашем институте вредители орудовали в учебном процессе и даже больше, чем в других институтах. Где был товарищ Цибарт? Он об этом должен был рассказать, выступая здесь.

Явное извращение решения Партии и правительства 36 г. Там ставился вопрос, что отменяются семинарские занятия и вводится лекционная система. Петровский приехал к нам использовать трибуну – предложил ликвидировать всякие упражнения и Цибарт ему поддакивал. И отменили упражнения по всем предметам. Получилось то, что в зимнюю сессию буквально зарезали половину студентов, до 50% было неудовлетворительных отметок. А сколько студентов вообще не явились на зачетную сессию? 820 человек. Это дело явно вредительское и ему другого имени быть не может.

Можно с уверенностью сказать, что существует недооценка общественно-политических предметов в институте. Неужели нельзя было видеть, товарищ Цибарт, что в учебных планах на такие предметы, как диалектика, ленинизм, отводится 60 часов. Разве это суммой часов мы можем подготовить инженера, который был бы, если и беспартийный, то большевик обязательно. Тов. Розендорф [Розендорн] на днях мне рассказывал, что ему до сих пор дают на ленинизм 48 часов.

/ЦИБАРТ: Кто дает? Комитет по высшей школе дает!/.

Товарищ Цибарт, – я доцент института, я знаю, что в институте есть учебный план и что учебный план десятки раз пересматривают. Там вредители – ты же сам об этом говоришь... ты говоришь, что 20 лет в партии, что ты большевик, а что ты делаешь вредительские дела – об этом не расскажешь.

Все эти "дела" в институте делались под руководством Цибарта. Какой же вывод из этого надо делать?

Я делаю два вывода, один или другой, но тот и другой не в пользу Цибарта.

Первый – или Цибарт потерял всякую партийную бдительность и оказался об'ективным пособником в проведении вредительства или он все это вредительство видел и вел формально войну. И в том и в другом случае большевиком тут и не пахнет.

В хозяйстве Института существовала и существует вредительская линия. Хотя тов. Цибарт и пытался, как фокусник, документами это опровергнуть, но это же чепуха!

Если в 1932 г. вставала проблема строительства Института и если в 1937 году мы остались при своем, то, что стоят все эти бумаги? В конце концов, большевистские дела оцениваются по фактам?

О связи Цибарта с Петровским.

Я думаю и убежден, что дело вовсе не в главном факте – вывешивании портрета Петровского у себя в кабинете. Это ширма и не больше. Факт вывешивания портрета Петровского в кабинете – это есть физическое воплощение внутренних убеждений и симпатий Цибарта и связи с этим человеком. Зачем эти оговорки с упреками, что партком приходил, видел и тебе не указал?

Петровский имел трибуну в институте – это факт! А там, где было трудно Цибарту, там Петровский приходил к нему на помощь. Иначе и быть не могло! Почему?

Потому, что в основных, решающих вопросах учебной и производственной жизни линия оказалась одна и та же, хотел или не хотел Цибарт.

О связи с Червяковым.

Нечего прикидываться ребенком! Когда был доклад Червякова в Институте, перед всей аудиторией в 500 чел. была продемонстрирована ваша тайная связь. Когда было собрание, Червяков вышел, Цибарт обнял его и перед всем собранием они облобызались. А когда Червяков делал доклад, он десятки раз вспоминал своего друга, свою дружбу с Цибартом. Я не сомневаюсь, что Червяков и в 35 и 36 году приезжал к тебе на дачу.

Я сам жил в Ильинском и был свидетелем одной встречи. Больше того, он приезжал в институт, но, кроме твоего кабинета, нигде не заходил.

Нельзя верить наивным объяснениям, которые он дает!

О родственниках, уехавших за границу.

Ясно! Там жить плохо, мать там часто посещает полиция, ей жить там не дают. Они едут защищать мать. Вот они едут выручать мать от полиции. Что же выходит? Переступив порог границы, они должны идти в тюрьму, потому, что они едут защищать мать из СССР? Или они придут в полицию и скажут: "Что же вы так пристаёте к матери? мы уже работаем на вас!" Тогда они не пойдут в тюрьму.

Вот какие варианты возможны. И надо выяснить

О засоренности института.

Напомню только один момент – засоренность среди проф. преподавательского состава.

Совсем недавно взят органами НКВД преподаватель Гавриленко. Об этом Гавриленко разговоры идут 3-4 года.

Разве случайно, что у нас взяты Лотоцкий, Говенчик, Лунц? И все они польские шпионы. Это не является случайностью. Я за это могу отвечать чем угодно.

И здесь в этом направлении надо вести огромную расчистку, и борьбу, иначе мы из этого состояния, в котором оказались, долго не выпутаемся.

Кто у нас изучает этих людей? Тов. Чутуев работает по кадрам, занимается он изучением людей? Плохо. А сколько у нас работников по кадрам в аппарате? Сколько угодно. Государственные деньги получают, премии всякие получают, а делом не занимаются. А дела этих "работников" некоторых требуют специального разговора, ибо тут кроются серьезные вещи, потому, что при таких работниках мы будем делать такие вещи, которые используют враги. Цибарт об этом и сам не раз говорил и давал клятвы что он перестроится.

У Цибарта была линия на притупление бдительности не только у себя, но и других людей. Цибарт на партийном комитете 31 августа говорил, что он у себя притупил партийную бдительность и притуплял у других. Почему он умолчал об этом?

В нашем институте орудовали враги. Это факт. Кривина и целую кучу троцкистов мы потом выгнали. Я задаю вопрос товарищу Цибарту: слышали ли мы хоть раз голос Цибарта в борьбе против этого?

/ЦИБАРТ Слышали. А твоего голоса не слышали!/

Я должен сказать, что Цибарт по этим вопросам серьезной и крепкой борьбы не вел, никто его не слышал. Факты показывают другое положение.

Возьмите Давыдова. Сколько лет он ходил под вашим крылышком? Он был вашим заместителем по ФОН"у.

Нехамкин – троцкист, он в 33 году буквально по пятам за Цибартом ходил.

/ЦИБАРТ: А не за тобой ли?/

Если говорить о рекламации насчет Кривина – то, что я говорил, я от этого не откажусь нигде.

Цибарт к 100-летию юбилею готовит сборник, является ответственным редактором. Посмотрите этот сборник, там найдете и портреты этих мерзавцев, там найдете и фразу, где сказано, что очень большую работу по перестройке проводил Серкин и /не слышно/.

/ГОЛОС с места: Ты редактировал этот сборник/

Извините, я писал туда статью "Большевики КММММ". За эту статью я несу ответственность.

Если Наугольнову попало с Хейманом [Хейнманом], то правильно.

Так что можно сколько угодно спорить об отдельных вещах, но факты, живая жизнь – это свидетели действительности и от них никуда не уйти.

Я кончаю тем, что Цибарт в лучшем случае потерял партийную бдительность к врагам, был объективным пособником вредительства, руководился непартийными методами, имел связь с врагами народа – иначе как тесной связью характеризовать нельзя – допустил большую засоренность института чуждыми людьми. Это в лучшем случае.

Но не исключена возможность здесь искать большего.

Вот почему мне кажется не случайным, что Цибарт избрал метод "юридической" защиты и в значительной мере демагогических и клеветнических оправданий. Эта тактика в своем существе не партийная. Не случайно, что в своей партийной жизни он не дал анализа учебно-производственной жизни института. Это ему не выгодно, потому, что это сорвало бы ту маску, в которую он долго принаряжался.

Я согласен вполне с его исключением.

Тов. ЧУТУЕВ

Товарищи, я позволю себе начать с того, чем хотел кончить Зернов. Он, как и полагается демагогу, бросил крылатую фразу, что здесь сидел Чутуев и что то здесь организовывал. А вот если кто то организовывал, то надо говорить о Зернове. – Кто называл Кривина "алмазным большевиком"? Зернов!

То, что здесь говорил Цибарт, нельзя объявлять ерундой. Вопрос о Цибарте перерос рамки Цибарта.

Скажите, партийный комитет действительно решал так, как полагается партийному комитету?

Я имел несчастье быть парторгом рабочих и служащих

/С МЕСТА: Почему несчастье?/

Я получил директиву партийного комитета поддерживать Цибарта. И, когда я его поддержал, все от меня отшатнулись. Я говорю о партийном комитете института, который избирался и переизбирался целый ряд лет и в котором какая то последовательность сохранилась: Кривин – Юдин – Зернов.

Возлагать ответственность за вредительские дела, которые творились и творятся в институте, только на одного Цибарта, нельзя. Я согласен, что Цибарта надо исключить, но надо по большевистски говорить, что виноват в этом и партийный комитет, виновата и партийная организация.

Я спрошу у товарищей – кто из вас был на партчистке?

/ГОЛОСА. Никто/.

А ведь партийный комитет организовал чистку, когда все раз'ехались на каникулы, при закрытых дверях. Как это формулировать?

Юдин выступал в роли самого большого гонителя Цибарта, а Зернов до известной степени – правая рука Юдина. Очень часто, входя к Цибарту, в тяжелые для Цибарта минуты, я частенько заставлял там Зернова. Что он там делал? Я думаю, что он заходил туда для поддержки.

И тут путает и Цибин [Цибарт], и путает Зернов. И необходимо до этих корней докопаться.

Скажите, какая поддержка со стороны партийного комитета была Цибарту? Когданибудь по партийному вопрос о Цибарте стоял, как следует? Ни разу не ставили.

Так, что тут, когда говорим о всех этих вещах, необходимо ставить точку над "и", потому что надо выяснить все то, что имеется.

И когда Цибарт говорит, что он подразумевает какую то группировку, которая тут имеется, он не говорит до конца.

Я решение партийного комитета считаю правильным. Только нужно сказать, что они не так записали. Они записали это решения без всякого желания исключить Цибарта из партии. Не с такой формулировкой исключают. Это решение ему на руку.

Как формулировал свою работу Цибарт? Он заявил, что я был "шляпой". А мы добавляем "политической". Цибарт должен отвечать за всю работу в институте. И мы видим не совсем приглядное лицо Цибарта.

Скажите, кто из вас допустил бы такие безобразия. Никто. А почему Цибарт допустил? Потому, что вынужден был это допустить.

Нельзя портить хороших отношений с Петровским? А может быть чтонибудь и другое?

Сварочная, тепловозная. Построили, и как на грех случайно там, где нужно ломать Случайно? Не думаю.

Такие случайности бывают – один раз случайность, другой раз совпадение, а третий раз – это привычка. А привычка – это характер.

Небольшая иллюстрация. Я занимался кадрами – подготовкой аспирантов. И в этом вопросе я основным считаю наш лабораторный фонд. Мы ругаем профессоров – мало занимаются учебными делами. А посмотрите на наши лаборатории – какой уважающий себя профессор захочет работать в наших лабораториях, которые отстали от современной техники по крайней мере на полвека.

Для того, чтобы он захотел работать, ему нужно создать обстановку – а обстановка не интересная.

Больше всего мы нуждаемся в специалистах по станкам. Где их готовить? Есть лаборатории. Добиваются комнаты, где можно начать исследовательскую работу. Вы думаете, что это случайность? Нет.

Лаборатория прокатного машиностроения – она все еще строится. И когда достроится, еще неизвестно. В свое время был приказ: лабораторию прокатного машиностроения приказываю подчинить непосредственно ГУУЗ'у. Из'яли ее из ведения института. Почему Цибарт молчал – ведь лаборатория институтская?

Невыгодно было разговаривать, невыгодно было отказывать Петровскому. По пути очевидно было.

Есть еще одна лаборатория – электротехническая. Я думаю, что проф. Никитин расскажет, с каким напором он пробил толщу Цибарта и его оруженосца Зайцева.

Эти лаборатории я считаю исключительно важными. Потому, что мы двигаем науку вперед. Чутуев, который не работает в лаборатории, не пополняет знания, вычитанные из книг. И этот Чутуев не научный работник, это сапожник.

Так вот товарищи, нужно сказать, лабораторный фонд оказался никудышным. А вместо этого существует НИС. Учпромас, которые занимаются зарабатыванием денежек за счет научной работы. Это вам лабораторный фонд.

Относительно учебного процесса. Говорят о программах и о прочем. Но есть вещи, которые можно сделать сейчас на факультете ТПС. Такие дисциплины, как автопилоты, значатся факультативными и несомненно важные дисциплины. Кто так планировал? Если ты директор, так нужно этими вопросами заниматься. Не нам же следить за вами по пятам.

Говоря дальше относительно того же самого учебного плана – ведь 45% неудов в 36-37 году – в первом семестре было не только по гидравлике. Это есть результат планировки плана. Та же самая гидравлика. Ее нельзя рассказать по пальцам, и мы боремся в течение трех лет, чтобы нам разрешили одну из имеющихся аудиторий переоборудовать под гидравлическую аудиторию. Каждый раз нам говорят: мы вам несколько тысяч дадим, и в результате полмиллиона рублей идут каждый год на ремонт, а этой аудитории нет. Ходишь по этой аудитории и думаешь – вот через пять минут провалишься. И есть такой преподаватель Зайцев – он уже провалился.

Относительно приема.

Сколько человек в год мы можем принимать? От этого зависит, как мы из разместим. Был один прием 900 челов. Цибарт добился чтобы приняли 960 мол потом впоследствии отсеется. Он забыл, что нужно не отсеивать людей, а нужно их сохранять.

/Цибарт: А теперь опять 800/.

А теперь опять 800. И если ты будешь продолжать свою линию, то и эти 800 будешь грабить.

Я преподаватель по гидравлике. Я загружен до остатка. Почему? Планировали так. С утра до вечера все преподаватели – хорошие, плохие, загружаются работой, лишь бы только спихнуть. Где тут думать о серьезной работе! Спрашивается – нельзя было в пределах нашего Института, без указания сверху, планировать так, чтобы можно было работать?

Нагрузка. Первую половину года я занят целиком. А вторую половину года я сижу "зубы на полку".

/С места: кто планирует? Здесь в Институте, или в ГУУЗ'е/?

Эти планы планируются в Институте.

Есть еще одно ученое учреждение – называется ученый совет. Председатель ученого совета – Цибарт? Ничего подобного. Председатель ученого совета Куколевский. Этот совет – это говорильня. Нет ни одного решения, которое было бы доведено до конца. Почему? Поговорят, отобьют охоту у профессоров заниматься серьезными вещами, и на этом деле закончат. Заставляют профессоров десятки раз рассказывать учебные планы и под конец всех в мыле заставят подписать тот пункт, который делается для вредительской руки. Деньги даются 28 декабря, когда их использовать нельзя, либо не дают совершенно.

Разрешите товарищи спросить, не слишком ли много получается всяких случайностей?

За все безобразия прежде всего отвечает Цибарт. За всех, тех, кто взят в институт, раньше всего и прежде всего отвечает он, Цибарт. Нужно исключить из партии за то, что он потерял партийную бдительность.

Тов. МАМИКОНЯН

Я дам маленькую справку. Это по вопросу о том, что группа выдвинула Юдина в секретари. Я должен возразить Цибарту. В 34 году, на партийной конференции, в зале – там присутствовали т.т. Осипов, Шатилов – были выбраны 15 челов., в партийный комитет, в том числе и я.

Я расскажу историю, как Юдин попал в секретари партийного Комитета. Тов. Осипов и Шатилов настаивали на Юдине – большинство партийцев настаивали на Наугольном. Наугольников выступил и сказал, что он старше Юдина, и что он хочет кончить институт. А Юдин моложе, ему можно год потерять – и выбрал[и] Юдина.

Подготовка аспирантов. Все знают проф. Николаева – заместителя по научной части. В группе паровозников он читает динамику. Вы не найдете ни одного человека, которого они подготовили бы по динамике. Абсолютно не готовит. Это не случайно, что т. Николаев не готовит кадры по динамике. Что делает этот т. Николаев? Какие научные труды он составил? Ничего не делает, получает деньги, тормозит работу и ни черта не делает.

Я говорил с Носовым по этому поводу. Со многими преподавателями. О Николаеве говорят, что это шляпа, которую нужно посадить для отвода глаз. Человек, который абсолютно ничего не делает, а сидит только. Сколько раз был разговор относительно Николаева, что его надо освободить – одни разговоры, а он по сей день сидит там. Возьмите его метод работы. Есть преподаватель коммунист, Касьянов. Так этот Николаев всеми средствами стремится к тому, чтобы этого Касьянова какнибудь выжить, и дошло до того, что Касьянова так разгрузили, что оставили ему одну группу по термодинамике. Вот вам метод работы – это при непосредственном руководстве т. Цибарта.

Я думаю, что тов. Цибарт об этом знает.

Вопрос о часах. На ленинизм – 48 часов. На описательный курс паровозов – 115 часов. Как это сравнить? На описательный курс паровозов можно было дать 35-40 час. Где тут руководство?

О лабораториях. В прошлом году о лабораториях говорили очень много. Как будто бы новый учебный год сулил нам очень много в вопросе лабораторий.

А что получилось? Мы впервые пошли в сварочную лабораторию. Группа потеряла пять часов на то, чтобы добиться, чтобы туда пришел лаборант. Занятия сорвались.

Жалуемся. "Товарищи, вы сами не хотите работать у нас все в порядке".

Пошли на второй день. Опять занятие сорвалось.

Котельная лаборатория. Прошлый семестр у нас сорвался, потому, что лаборатория у нас не была подготовлена. Создалось такое положение, что в следующий семестр мы обязаны проходить 4 лаборатории. Это сделано нарочно для того, чтобы студента нагрузить таким образом, чтобы он не мог выполнить этого плана.

Знал об этом Цибарт? Знал. Я считаю, что решение партийного комитета по вопросу о Цибарте правильно, и целиком присоединяюсь к этому решению.

Тов. РОЗЕНДОРН

Товарищи, когда полтора года тому назад на перевыборном отчетном собрании нашей парторганизацией обсуждался вопрос тов. Цибарта, тогда очень много товарищи говорили, и т. Цибарт больше всех говорил о пресловутом теперь же подхалимстве. Он с каким то смаком, с удовольствием, называл себя подхалимом. Я тогда хорошо не знал ни Цибарта, ни его обстоятельств в институте, но я высказал предположение, которое я считал необходимым высказать перед собранием: не имеет ли место в данном случае со стороны Цибарта применение того метода, которым, как показали вредительские действия и целый ряд процессов, которые прошли в нашей стране – не имеет ли место случай такого метода, когда принимают на себя вредители часть вины с тем, чтобы уйти от ответственности с тем, чтобы в этом добровольном самообвинении найти громоотвод от тех обвинений, которые совершали в целом. Я заострил внимание товарищей в этом вопросе и говорил, что именно так надо поставить вопрос, и это заставляет наша обязанность быть бдительным.

Когда мы говорили о необходимости быть бдительным, то мы не понимаем это как то абстрактно, а понимаем в той конкретной обстановке, в которой мы как то работаем по отношению к отдельным товарищам.

Я приводил тогда такого рода соображения: вспомните процесс правых, Каменева и других. Они заявляли партии, что считают себя виновными, что зная террористические настроения молодежи в Ленинграде, об этом не сигнализировали в ЦК. А мы ведь знаем, что это была попытка найти громоотвод, что они сами были террористами.

У меня возникло сомнение – не является ли в данном случае Цибарт правой рукой врага народа Петровского, и не признает ли он свою вину подхалимства с таким удовольствием, чтобы отвести внимание товарищей в сторону. Тогда из аудитории мне был задан вопрос: факты?

Я фактов не знал – я был новый человек.

А вот теперь мы имеем очень много фактов и можем судить о вине Цибарта не по одной лишь большевистской интуиции. Я понимаю, что одной нашей интуиции недостаточно.

Я не успокоился только тем, что выступил тогда на собрании. Я пошел к т. Наугольному, проверил стенограмму – правильно ли формулировалось то, что говорилось. Сейчас комиссия закончила свою работу и мы обсуждаем уже не на основании одной интуиции, а имеем перед собою целую вереницу фактов, из которых – если не всех, то каждого в отдельности было достаточно для того, чтобы Цибарта исключить из партии, как недостойного члена партии.

Я не буду останавливаться на всех тех фактах, о которых здесь говорилось, и которых Цибарт не оспаривает. Нельзя же факты, которые зафиксированы оспаривать!

Не оспаривал он и тот факт, что он получал деньги за работу, которую он не проводил. Он сам себе выписал деньги. В самом деле – разве это не омерзительно, не возмутительно, когда директор, который должен быть примером как политический руководитель, позволяет себе такие вещи – класть спокойно в карман не заработанные деньги, за 480 [280] часов получить плату тогда, когда он прочитал всего лишь 80 часов. И он оправдывает свой поступок тем, что и другим позволял делать то же самое.

И дальше его подозрительное – чтобы не сказать омерзительное – поведение, когда он строит себе дачу.

Это не оправдание, что он брал себе материал, нигде не фиксируемый. Кто давал ему право брать материал, который не для его дачи был куплен.

И дальше. Этот котлован и т.д.

Каждый из этих фактов является весьма внушительным обвинением, и в сумме своей эти факты требуют очень четкого вывода.

Нет надобности нам каждому повторить то, что говорилось. Стенограмма фиксирует выступления и факты, о которых здесь говорилось. Хочу только обратить внимание собрания на один факт.

Тов. Головинцев во время перерыва в разговоре со мной подтвердил, что Зайцев, которого здесь называли оруженосцем Цибарта, является пом. районного прокурора в Москве – надеюсь не в нашем районе.

/Леднев: в нашем в Первомайском/

Он получает плату здесь и ничего не делает. Возникает вопрос, не потому ли он с такой охотой выступает в роли оруженосца Цибарта?

Тут по всем направлениям нужно вести расследование. Но это положение никоим образом не может служить причиной тому, чтобы мы сейчас не сделали надлежащих выводов.

Что его надо исключать из партии – это не подлежит никакому сомнению. Но с какой мотивировкой?

Является ли Цибарт вредителем. У нас одинаково будет неспокойна совесть, если мы уйдем от этого вопроса, и если дадим неправильный ответ на этот вопрос. Для того, чтобы наша совесть была спокойна, мы должны совершенно четко ответить на этот вопрос: вредитель он, или не вредитель?

Лично я по моему глубокому убеждению могу утверждать, что Цибарт вредитель. Я считаю необходимым, чтобы мотивировка была изменена, и чтобы Цибарт был исключен как вредитель на основании тех достаточных фактов, которые характеризуют его, как вредителя.

Тов. НЕФЕДОВ

Товарищи, из выступлений товарищей, а также из защитной речи т. Цибарта, и слушая выводы комиссии об исключении Цибарта из партии, можно сделать следующий вывод: или же действительно Цибарт является помощником врага народа Петровского, или здесь существуют две группы, которые и затеяли борьбу между собой с таким расчетом, чтобы развалить институт – одна группа, а другая группа, удержать и поставить институт на ноги.

Так, по крайней мере, у некоторых складывается впечатление.

Я попытаюсь несколько охарактеризовать работу Цибарта и сделать некоторые выводы.

Как это можно Цибарту, на протяжении 17-ти лет состоя в партии, пройдя период гражданской войны, пройдя период ожесточенной борьбы партии со всякой сволочью – зиновьевцами и прочими, не вывести себе соответствующего урока?

Я напомним здесь речь Ленина на 9 съезде. Он сказал: чтобы быть хорошим коммунистом, это значит в то же время быть хорошим чекистом. Относится ли это к Вам т. Цибарт?

Получается таким образом, что Цибарт везде и всюду хлопотал – дайте денег, мы будем строить. И ставил вопрос резко перед организацией нашего института, перед ЦК нашей партии. Докажите документально, что вы так действительно ставили! Вы суете документы, что вы отписывались в райком, Петровскому непосредственно, – а где же работа? Я могу здесь привести в пример письмо товарища Молотова в "Правду" какой дурак вредитель назовет сам себя – я вредитель?

Вы, т. Цибарт, сталкиваясь с Петровским, видя его вредительскую работу, не могли раскрыть этого!

Спрашивается – после этого можете вы оставаться в партии? Вы говорите, что вы честный коммунист, но плохой руководитель, но я ставлю вопрос: можно ли после этого вам оставаться в партии? Я считаю, нет нельзя.

Взять ликвидацию Ломоносовского Института. Организуется факультет точного машиностроения. Не нужно быть большим физиком и математиком, чтобы представить себе, что представляет из себя факультет точного машиностроения. По существу дела, перебросили механиков, технологов из Ломоносовского института с 5 курса. Спрашивается: можно ли выпустить хорошими специалистами? Ребята забунтовали... Вы пришли с вредителем Петровским и начали склонять это дело. Ребята начали бунтовать, пошли к Петровскому. Он припугнул: "берегите свои партийные билеты".

Факультет ТПС выпускает 150 челов. специалистов. Я вот окончил ТПС, но не знаю ни одного прибора. Уже здесь, только в одном вопросе – непартийная линия. В одном этом вопросе вы прошляпили – извините за грубость.

Решение комиссии все же об'ективно и не совсем полно. Здесь нужно разбирать глубже с тем, чтобы вырвать все корни вредительства.

Тов. ШЕВЯКОВ

Товарищи, я когда слушал выступление тов. Цибарта на прошлом собрании и иллюстрацию его выступления документами, я конечно понимал т. Цибарта, что нужно все привлечь к оправданию себя. Но, товарищи, это вообще можно рассматривать так каждого человека, но к члену партии мы подходим не просто только как к человеку, а как к человеку, сделанному из особого теста, как говорит товарищ Сталин, как к

большевику. А Цибарт защищал[ся] от пред'явленных ему в партийном порядке обвинений, ограничиваясь только оглашением документов, резолюций, положенных на них, и не сделал никакого политического анализа того обвинения, которое ему пред'явлено.

На самом деле, товарищи, как было дело? Цибарт пишет письмо Петровскому, Петровский накладывает резолюцию и возвращает письмо Цибарту, Цибарт кладет письмо в папку и на этом дело кончается. Техника очень простая.

Разве директор, большевик, мог ограничиться только лишь ответом, резолюцией, которые с совершенной ясностью говорили для простого наблюдателя, что тут дело не чисто. И только директор, в лучшем случае неспособный, не понявший Сталинского стиля работы в нашу Сталинскую эпоху, только плохой директор, плохой коммунист, мог так свободно принимать эти документы, на которых было написано со всей ясностью не то, что нужно для советской действительности.

В выступлении Цибарта я вижу очень большое упущение, мягко выражаясь. Это то, что он вольно или невольно, объективно защищал в отдельных местах Петровского. Назову эти моменты:

Цибарт говорил: видите ли для того, чтобы покрыть крышу одной нашей лаборатории, нужны были лимиты на железо. Т. Цибарт выступал с таким заявлением и на отчетно-выборном партийном собрании. Я тогда заявил, что это клевета на Советскую власть, это грязный пасквиль. С каких это пор Советская власть отказывает институту в тонне железа, тогда когда превращается в негодность дорогое оборудование? Цибарт не извлек никаких уроков из этих важных, здоровых выступлений, которые были на отчетном собрании.

Я считаю, что как член партии, он безусловно плохой член партии, не понимающий ни стиля работы, ни души работы.

Хозяйственная сторона заняла у выступающих очень много. Это понятно, потому, что к члену партии, к хозяйственнику, пред'является требование, чтобы он был хорошим членом партии и хозяйственником. Я не буду говорить о хозяйственной стороне. Я затрону только вопросы политические.

Прежде всего я считаю, что Цибарт независимо от того, говорил он, или не говорил, что он подхалим перед врагом народа Петровским – я считаю, что связь Цибарта и его зависимость от Петровского, была очень большая. Я не представляю себе, что так легко можно было вывесить портрет у себя в кабинете начальника главка. Это могло сделать очень ограниченное число людей, директоров ВТУЗ'ов, чтобы повесить портрет [начальника] главка у себя в кабинете. Пожалуй таких и не найти.

/Цибарт: были еще/.

Если были такие чудачки, как ты, то это конечно плохо.

Если человек вешает портрет нач. главка у себя в кабинете – это говорит не только о подхалимстве, это говорит об определенной привязанности к человеку, потому, что подхалимство не предполагало так афишировать этого врага народа.

Только человек, находящийся в теснейшей связи, находящийся в большой зависимости от Петровского, может это сделать. А что значит находиться в большой зависимости. Это значит выполнять волю этого человека.

Для меня сейчас ясен образ Цибарта, как человека безвольного, безхребетного, неспособного отстоять линии партии. Я рассматриваю вывешивание этого портрета не случайным делом. Цибарт определил так: с паршивой собаки хоть шерсти клок. Это, повидимому, сказано не случайно. Что значит с паршивой собаки? Если ты, Цибарт, знал, что Петровский – паршивая собака, то почему, ты был в зависимости от него, почему ты не помог партии выгнать эту паршивую собаку раньше? Или ты говоришь это задним числом? Тогда кому это нужно?

Цибарт представляет из себя безвольного, безхребетного человека, неспособного оправдать доверие партии.

Я хочу сказать о тех безответственных выступлениях, которые делал Цибарт насчет Журавлева.

Журавлев член партии. Но дело не в этом.

Насчет родственных связей с границей. Я знал брата Цибарта. В 31 году брат Цибарта отдыхал в Доме отдыха в Ермоловске. Я Цибарт, не согласен с тобой, что отец твой рабочий. Я не могу согласиться вот почему. Потому, что твой брат имеет юридическое образование. Это юридическое образование он получил в Польше.

Вы знаете, что брат Цибарта – Бруно, по возрасту лет на 10 моложе Цибарта. Он не был на Советской земле до вызова отсюда. Он имеет юридическое образование.

Это говорил он мне и Саше Кузину.

Кроме того, Цибарт заявил, что он поехал провожать отца, поехал на две недели. Я не верю Цибарту, что он бедняцкого происхождения, сын лодзинского ткача. Потому, что лодзинские ткачи – это самая мало оплачиваемая часть пролетариата в Польше. И при условии польского фашизма сыну своему он дал юридическое образование! Ну судите сами...

Когда я уезжал за границу в 32 году, в Данциг Цибарт дал мне адрес Бруно и просил написать в Польшу. Я адрес взял, конечно, но не писал.

Цибарт спросил меня когда я приехал – "писал"? Я ответил писал. Ничего неэтического я тут не вижу. Он член партии, он должен понять, что нельзя члена партии заставлять переписываться с иностранными людьми.

Цибарт знает, где его брат живет, но почему Цибарт не выскажет истины – это непонятно.

Я ставлю под сомнение социальное происхождение Цибарта.

И возьмите самого Цибарта. В царское время он учился в коммерческом техническом училище. Я не думаю, чтобы лодзинский ткач мог послать своего сына учиться.

И дочери у него тоже учительницы.

Я раньше относился к Цибарту очень хорошо. Я даже некоторых товарищей в беседах старался умирить не ошибаются ли они. Но после очевидных фактов и его неспособности работать, после политических ошибок, которые он допустил, я со всей ответственностью считаю, что Цибарта безусловно из партии надо исключить.

Если он говорит, что он член партии с большим стажем, то к нему надо предъявить большие требования.

Мало того, что он читает книгу Гитлера, но он собирается рассказывать об этом молодежи! Его надо исключить!

Тов. ЖЕБРОВСКИЙ

Дело Цибарта, которое мы здесь сегодня разбираем это есть дело нашего руководства в течение семи лет. В течение семи лет во ВТУЗ'е, из которого выходят командиры Социалистической промышленности, в этом ВТУЗ'е враги пролетариата конечно не забывали, не забывают и в дальнейшем не будут забывать, чтобы здесь оставлять личинки, из которых вырастали бы враги. Посмотрим – голословно это или нет.

Мы видим, что в свое время партийным руководством – под партийным руководством я имею в виду секретаря партийного комитета...

/СИМОНОВ: очень плохо/

Тов. СИМОНОВ, если вы мне дали слово, то не прерывайте и не нарушайте партийную демократию, понимаете?

/СИМОНОВ: я извиняюсь/.

Вот вы извинитесь не только передо мной, но и перед партийным собранием.

Так вот, товарищи, я понимаю, что не среди отдельных членов партийного комитета были враги народа, а люди, которые возглавляли и в основном руководят работой партийного комитета, среди них были враги народа.

/С места: кто?/

Кривин. После этого ничего удивительного, что у нас в институте имеются враги народа, нет. Почему? Потому, что классовая борьба как таковая, все время не затухает, а наоборот принимает самые ожесточенные формы, и чем мы продвигаемся вперед, тем больше классовый враг поднимает борьбу и делает самые похабные, самые отвратительные выпады. Почему он это делает? Потому, что в открытой борьбе он не может бороться.

Что же отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что, в нашем институте, в крупнейшем институте, откуда выходит много инженеров, которые раз'езжаются по всему Союзу, руководство должно быть ни в малейшей степени не запятанным. Как у нас дело обстоит?

Мы не можем похвалиться, что у нас здесь все в порядке. Возьмем парторганизацию 36-37 года в партийном комитете. Имеются люди, которые официально на партийных собраниях афишируют врагов народа.

Я говорю о перевыборном партийном собрании, которое происходило в зрительном зале, когда Чернов [Зернов] говорит, что Жебровский это такой плохой член нашей парторганизации.

Товарищи, это неверно, это клевета.

/С места: относительно Цибарта говори/.

Сейчас, сейчас.

Это неверно, потому сам партийный комитет колебался – вынести выговор с предупреждением, или просто выговор.

/Головинцев: откуда ты знаешь, что было на партийном собрании?/

Откуда узнают у нас то, что делается на партийном комитете?

Перед предыдущим партийным собранием я обедаю вместе с беспартийным профессором. Он говорит: "у нас новый секретарь партийного комитета?"

– Откуда ты знаешь?

– Симонов.

Районный комитет якобы запретил давать информацию об изменениях, происшедших в партийном комитете. Значит районный комитет давал директиву информироваться у беспартийных профессоров? Этого не может быть.

Как получилось так, что Цибарт в своем выступлении вырисовывался якобы борец. Так не должно быть. Почему? Потому, что Цибарт по своей конституции не может быть как человек таким борцом. И он не является таким борцом. В лучшем случае, из лучших, он является политической шляпой, которая потеряла всякую бдительность.

Но мы видим, что дело далеко не так. Мы здесь на партийном собрании констатируем в отношении ряда лет относительно вредительских учебных планов. От кого зависит учебный процесс? Учебный процесс зависит от состава кафедр, а для того, чтобы кафедра была работоспособной, директор должен позаботиться о том, чтобы в каждой кафедре был соответствующий контроль. Имело это место здесь? Нет не имело. Что мы видим? Мы видим, что отдельные кафедры абсолютно плохо, если не совсем не подготавливают наши партийные кадры.

Цибарт ничего не сделал, чтобы кадры выросли. Я имею в виду станочную кафедру – там мы имеем полный развал. Где был Цибарт? Дело дошло до РК. Цибарт четко не ставил вопрос и просто плывет по течению.

/С места: а зачем ты его в партком выдвигал?/

Он просто плывет по течению. В этом направлении работы Цибарта не было.

Теперь относительно лабораторий – где куются кадры. Цибарт абсолютно никаких мероприятий не принимал, так же, как и наш партийный комитет в течение ряда лет. Я это говорю на основании тех вопросов, которые я поднимал в партийном комитете. Сколько раз я обращался с проектом организации этого вопроса.

Партийный комитет выносил беззубые решения. В течение ряда лет партийное руководство и административное руководство не занималось созданием кадров из нашей среды. Это есть политика дальнего прицела, которая никак не отвечает интересам пролетариата, интересам социализма.

Наряду с этим, Цибарт, являясь старым членом партии никак не сигнализировал, никак не обращал внимание партийного комитета на такие вещи, как самоубийства среди комсомольцев. О чем это говорит? Это говорит о том, что имеется загнивание в целом ряде отраслей. Цибарт не ставил этого вопроса. Это бьет объективно на пользу врагу.

Суммируя все это вместе взятое, мы должны прийти к такому выводу, что Цибарт есть в лучшем случае политическая шляпа. Цибарта нужно исключить из партии.

Наряду с этим необходимо проверить его связь с Червяковым. И наряду с этим нам необходимо самым тщательным образом взяться за все наше руководство, начиная от партийного комитета, комсомольского комитета и профсоюзного комитета, ибо нетерпимо положение, когда среди членов партийного комитета сидят люди, афиширующие врага народа Кривина.

Тов. ПУЧКОВ

Товарищи, я считаю совершенно неудовлетворительным и даже наивным такое объяснение Цибарта относительно отъезда его родственников за границу. Старый член партии выписывает своих родственников – брата, отца и говорит: "кое как они здесь жили". Как это кое-как? Сам Цибарт материально обеспеченный человек, занимает ответственную должность, брат его тоже хорошо оплачивался, и вдруг они уезжают за границу!

Предположим худшее – что они имели такую плохую тенденцию. Неужели Цибарт не мог на них воздействовать? Здесь что то серьезное скрывается.

Действительно, или перейдя границу они должны были пойти в тюрьму и там сгнить окончательно, или сказать: "мы ваши и мы сделали чрезвычайно полезное дело".

Связь с родственниками. Цибарт знает адрес своих родственников и Цибарт собранию утверждает, что никакой переписки с ними не имеет.

Прием на работу этого немца – отца фашиста наводит на крайнее подозрение. И он дважды принимался т. Цибартом на работу. Один раз он был зав. хозяйством в доме отдыха и развалил работу, по вполне понятным причинам – он был послан туда с этой целью – и его вторично принимают на работу.

/Представитель комиссии: мы этим вопросом не занимались./

Очень жаль, что не занимались – этим вопросом нужно было особенно заняться, потому, что он наводит основную тень на все события, которые здесь обсуждаются.

Тут Цибарт говорил, что какой то райком на этом настаивал. Надо, чтобы Цибарт этим не оправдывался.

Относительно кадров. Товарищи многие говорили о Зайцеве, что он является оруженосцем Цибарта. Но меня удивляет, почему Зайцев до сих пор находится зам. районного прокурора? Это, видимо, сделано при содействии нашего партийного комитета – иначе быть не могло. Вы сами понимаете, каким политическим доверием должен пользоваться районный прокурор, блюститель политических законов, наших политических порядков.

Я ставлю вопрос так. Если Зайцев на сегодняшний день является таким, каким его здесь рисуют, так здесь надо поставить вопрос и о партийном комитете, который наверное давал ему рекомендацию.

То же самое Скориков – он работает зам. директора промышленной академии. Это есть компрометирующие материалы – надо дать ход этим материалам и не допускать, чтобы эти люди были на таких ответственных постах, или же сказать, что эти люди ничем не скомпрометированы.

Я считаю, что комиссия была не совсем удачно скомплектована: туда входил Ховах – он сам является политически подмоченным – брат его враг народа.

Почему я говорю о составе комиссии? Потому, что это дает повод т. Цибарту оправдываться, что комиссия тенденциозно к нему подошла.

Я считаю, что у нас вообще дело с мобилизацией партийной массы на выявление врагов поставлено недостаточно.

Тут много говорили о Лотоцком, что он арестован. Но для того, чтобы его арестовать, нашей партийной организации потребовалась трехлетняя борьба с партийным комитетом. Партийный комитет в лице Юдина и Наугольного не давал как следует этот вопрос раскрыть. В свое время я подробно об этом рассказывал.

Исключение Цибарта правильно, и в ближайшее время надо поставить вопрос о Наугольном. Очевидно найдутся товарищи, которые скажут, какие практические дела были у Наугольного и мы узнаем кое-что больше.

Тов. ХОВАХ

Товарищи, в момент работы комиссии часть материалов, которая сегодня выяснена, в частности, часть материалов, о которых говорил т. Головинцев, для комиссии были совершенно неизвестными и комиссия удивлена, почему товарищи не поставили в известность комиссию об этом?

В части выступления т. Цибарта скажу следующее:

Часть из тех документов, которые он зачитывал, он представил в комиссию. Остановлюсь на том документе, который цитировал Кунявский. Там есть резолюция Петровского: "Ни в МЭИ, ни в КМММИ в этом году строительства не будет". Директор должен же знать, куда попадает этот документ. Оказывается, только тогда, когда начала работать комиссия, документ этот нашли в архивах ГУУЗ"а.

Когда исключили из партии Матвеева, Цибарт говорил, что да, он действительно развалил хозяйство, а сейчас он говорит: "800 т. руб. истрачено – из них 20 тыс. туда то, 100 тыс. туда то – видите ли все деньги истрачены".

Мы знаем, что они истрачены. А вот на что они пошли? Они пошли на внешний лоск, а оборудование сгнило.

В этом году сумели покрыть толем механическую. Почему же этого нельзя было сделать в прошлом году, когда столько денег было истрачено на ремонт?

О факультете обще-техническом уже говорили. Я хочу поставить вопрос другой. Об авто-тракторном факультете Цибарт на активе в комитете ВШ прямо заявил, что я не хотел брать авто-тракторного института, мне тогда Петровский подсунил решение Правительства по этому поводу. Но почему то в сентябре мес. он пишет Петровскому: в связи с блестящей работой, которую провели мы по передаче Института, прошу премировать т. Матвеева и Айзенмана.

Чернышев выступал и говорил об авто-тракторной лаборатории, в каких условиях они работают. Это называется "блестящей" передачей работы.

Что это товарищи? Как это называется?

Как ставился вопрос об учебных планах? Три дня тому назад я спрашивал у проф. Машинга [Мазинга] – ставился ли вопрос о пересмотре планов. Он говорит: да, ставился о переносе факультативной сетки иноязыков. Разве в этом пересмотр плана? Почему вы не пересматриваете свои учебные планы – все об этом говорят. Надо мобилизовать ученый совет. Но вам Чутуев сказал, что это говорильня, а не ученый совет.

О работе НИС'а. если сейчас полезть в деятельность НИС'а и если посмотреть, сколько коррективов предлагал НИС научным сотрудникам, то увидите, что там творится. Факт такой, что нельзя узнать в какой лаборатории что делается, и какая лаборатория выполняет план и чем занимается? Пусть Цибарт и Николаев скажут об этом.

Относительно залезания в государственный карман. Это – система. Несколько дней назад мне Раскин показывает приказ: доцента Солнцева отпустить в шестимесячный отпуск с сохранением содержания, для того, чтобы он мог написать диссертацию. Чем он это заслужил? Потом поступает новая редакция этого приказа – влияние по этому поводу.

Безусловно враги народа в нашем Институте есть, и я уверен, что недалек час, когда этот узел выкорчует. Я уверен, что институт будет работать хорошо, и надо полагать, что Цибарт должен будет сделать из этого выводы.

Тов. ЧЕРНЫШЕВ

Товарищи, вредительство Петровского нам всем известно, в частности по отношению к авто-тракторной промышленности – в этом никаких сомнений нет. Хорошо известно всем нам, что наши автомобильные и тракторные заводы выпускают 700 – 800 шт. машин в сутки. А спрашивается, сколько выпускает наш Вуз кадров для этих заводов? Очень мало. В этом году у нас выпустили примерно 60 ч. тех студентов, которых еще Ломоносовский Институт подготовил. Это песчинка в море. А как мы их готовим? Отвратительно. В чем тут причина?

Вот о передаче нашего института в Бауманский институт. Приняли нас сюда с почестями. Приехали к нам Матвеев и Соколов. И у всех такое мнение: у автомобилистов много машин. И что мне не понравилось: взяли заведующего лабораторией, уволили и сказали: когда мы передадим институт, мы вас примем. Ну, ладно. Я уезжаю домой, читаю газеты. Через несколько дней приглашают из Бауманского института заведывать автомобильной лабораторией. К чему же я пришел?

То оборудование, которое приобреталось в нашем институте с такой настойчивостью – его привезли, сбросили на свалку 50% оборудования стало непригодным. В частности, было испорчено много книг.

В 29-30 году я когда то начинал учиться. И я не могу понять. Промежуток времени как будто бы большой. В 36 г. я опять сюда попал. И мне бросилось в глаза: при приемке института Матвеев сразу бросился принимать машины. Начались поездки. Машины сюда переданы, но мы их не видали.

Работа наших лабораторий в никудашных условиях. Я не раз обращался к Цибарту за помощью, но помощи от него получал мало. С другой стороны, должен сказать об отношении нашего партийного комитета. Сколько раз с Игуменовым я ходил в нашу партийную организацию к Наугольнову, чтобы нажали на дирекцию, так как дело проваливается. Все это были товарищеские беседы. Но дело не двигалось. Мне пришлось много бороться, для того, чтобы что то создать.

Я между прочим хочу дать один штрих, который выгораживает Цибарта, но я не хочу его этим выгораживать. Тут упоминали фамилию Дегерна [Дыгерна]. Проф. Чудаков, его помощник и я ходили к Цибарту – директор от нас прячется. Когда мы переехали сюда, то это был как раз конец года, средств не было, и нам нужно было 75 тыс. рублей для того, чтобы построить гараж, чтобы у нас не стояли машины на открытом воздухе. Все втроем мы воевали в ГУУЗ. Швейцер отпустил[а] эти деньги. Финансовая часть говорит: нужна виза Дегерна. И к вашему сведению. Дегерну поручили это дело, но средств не дали. Не знаю, в чем тут подкладка. Но Дегерн был против настроен.

Тов. ДЮКОВ

Прежде всего, товарищи, я все таки не удовлетворен анализом комиссии. Я ждал более четкой постановки политической работы, которая проводилась под руководством Цибарта и ждал более четкой постановки вопроса Зерновым.

Выступление Чутуева бросает некоторую ясность. Я думаю, что Комиссия представит подробный анализ всей деятельности Цибарта на протяжении долгого периода, а не с 35 года. Почему? Потому, что вопрос о Цибарте ставится очень давно. Результаты же работы комиссии, особенно выступление т. Кунявского – просто курам на смех. Интуиция – интуицией. Что это значит "интуиция", когда мы решаем здесь вопросы политического порядка?

Цибарт должен быть вне рядов партии. Я должен сказать о выступлении Зернова. Я хочу указать, что я переживал, будучи в 31 году в институте. Меня с самого прихода в институт поразила та обстановка политической неряшливости и некоммунистического, непартийного подхода к пролетарской части нашего студенчества.

Анализируя всю деятельность дирекции и партийного комитета, у меня создалось глубокое убеждение – это я говорю на фактах – что в 31-32 году большое количество рабочих с производственным стажем, они форменно здесь опошлялись. Много здоровья стоило это товарищам, сидевшим здесь оканчивающим. В частности, т. Сахарову. Тов. Сахаров говорит, что пять лет моего здоровья ушло на то, чтобы окончить институт. Для меня, как и для многих других, выступающих здесь, дело Цибарта ясно – он подлежит как недисциплинированная фигура, исключению.

Ты не боролся тов. Цибарт и только в последнюю минуту, когда встал вопрос о тебе, ты стал бороться.

Но тут могут быть выкрутасы с т. Зерновым. У меня с Зерновым ни плохих, ни хороших отношений не было – мы сталкивались с ним по дипломной работе. Но на последнем собрании ты вместе с Симоновым говорил о Кривине, как об "алмазном большевике".

/СИМОНОВ: ты это слышал? Ведь есть стенограмма/?

А насчет стенограмм есть выступление Погребных – о том, что у нас стенограммы изуродовали, и о том, что этот материал уничтожается.

И насчет Кунявского прошу записать.

Разве Симонов не говорил о Кривине, как о большевике – все это слышали. И была постановка вопроса Чутуевым и Жебровским.

Обсудив вопрос о Цибарте, РК должен поставить вопрос в МК, что нигде нет такого положения, чтобы партийное собрание не информировалось об изменениях в партийном комитете. Со стороны РК есть определенный хвостизм.

Вопрос о Цибарте. Нужно всерьез заниматься вопросами руководства партийного комитета.

Тов. ЖАБРОДСКИЙ [Забродский]

Товарищи, я думаю, что материалов для выводов сейчас вполне достаточно. При этом надо четко условиться о самих выводах. Вот такие факты, которые здесь фигурировали: вредительство в хозяйственной и производственной работе, связь с Петровским, Червяковым и Кнориным – кстати о котором никто не говорил, кроме самого Цибарта. Засоренность аппарата, связь с заграницей, читка книги "Моя борьба" и колебания и сомнения 29 года.

Достаточно перечислить этот "букетик", чтобы сказать, что мы имеем дело не со "шляпой", а мы имеем дело с политическим врагом.

Во первых я считаю чрезвычайно поучительной для партийного собрания форму маскировки Цибарта – на этом надо учиться.

Должен сказать, что в первое время, когда я пришел в институт, он меня этой формой маскировки взял. Мне казалось что Цибарт действительно "шляпа", что он никогда серьезного дела сделать не сможет, и только.

А выступление на прошлом собрании мне показало, что игра в "шляпу" – это есть типичная форма маскировки.

Как он говорил на прошлом собрании партийного комитета?

– Вы говорите, что я "шляпа". Да, я шляпа.

– Вы говорите, что я вредитель? Да, я вредитель?

– Вы говорите, что я подхалимничал? Да, я подхалимничал.

Но как только дело дошло до политических выводов, то он говорит, что он это сказал в "дымном угаре".

Как он выступал на прошлом собрании? Ни разу я не слышал такого сильного, подготовленного выступления.

/ПУЧКОВ: партком дал ему время готовиться 8 мес./

Правы товарищи, которые говорят, что партком допустил грубейшую ошибку о Цибарте.

Партком беззубо доложил этот вопрос на собрании, не политически, и тем самым создал некоторую угрозу на партийном собрании, дал возможность слушать Цибарта два часа. Если бы вопрос стоял остро политически, то собрание не слушало бы его два часа.

Партком так написал выводы, что от них не напрашивалось вывода об исключении.

Я хочу сказать о товарищах, которые это подметили – о Чутуеве, Жебровском, Дюкине [Дюкове]. Они заняли нечестную позицию. Они использовали прошлое собрание для того, чтобы выгородить Цибарта. Только сейчас, когда они увидели, что дальше крутить некуда, они пришли и заявили: "мы за исключение".

Потом – как продуманно и согласованно ставится этот вопрос. Цибарт сам говорит: "я шляпа". Дальше во всех признаниях говорится об этом. Как выступает Чутуев?

Он правильно покрыл партком. но как он использует этот материал? Он говорит: "Цибарт не один виноват, он политическая "шляпа". Дальше он говорит: "не только партком, но и Цибарт виноват". Смотрите, какая формулировочка: после этого я пришел бы и потребовал бы исключения всего парткома.

Жебровский говорит: "по своей конституции он не может быть политическим борцом". То же самое выражение – политическая "шляпа".

Дюков говорит так: "Цибарт не является политически дееспособным".

Если бы я так сказал, что [то] я не потребовал бы исключения. Это беззубая оценка, это попытка замазать дело.

Поэтому я считаю, что перед парторганизацией института стоит задача: после дела Цибарта надо безусловно разобраться во всех делах и вытащить целый ряд корней, которые выросли рядом с Цибартом.

Тов. ФИЛИМОНОВ

Я хотел бы остановиться на одном вопросе. Цибарта слушали мы здесь не раз. Слушали его на активе, в партийном комитете, в марте 37 года. В марте 37 года Цибарт растерялся. На партийном комитете, когда обсуждался вопрос о Матвееве, как о члене партии, напрасно Цибарт ссылаясь на угар и на дым, у присутствующих в партийном комитете создалось такое впечатление, что шесть лет он был партийным руководителем и объективно он не может отрицать своего вредительства.

Возьмите выступление первого декабря – как он выглядел? Как мокрая курица растерялся. Вина партийного комитета, что в течение такого длительного времени не поставили вопроса как полагается, и Цибарт пытался одурачить такую крупную партийную организацию тем, что будет комиссия разбирать это дело.

Я считаю, что вина всех членов нашей партии в том, что в течение такого длительного времени мы держали человека

Я просматриваю эти выступления и вижу, что это тактика врага. Когда ему партия пред'явила политическое обвинение и его исключение за то, что он как член партии не оправдал этого высокого звания, то он занял такую тактику, что "я боролся все время за то, чтобы вскрыть всех троцкистов, против меня вели здесь борьбу".

Я кончил этот институт, меня оставили в аспирантуре. Вспоминаю все партийные собрания, которые здесь были. Когда так Цибарт выступал, как здесь? Никогда не выступал. Всегда эти выступления носили чисто деляческий характер, и не было ни одного выступления где он разоблачил бы хотя бы одного врага.

В 35 году кончили мы институт. Была развернута широкая самокритика по недостаткам нашего Института, и Цибарт набрался смелости на факультете МТ бить себя в грудь: "что вы меня критикуете? Мне Правительство доверяет, Партия доверяет, мне дали орден – а вы критиковать меня вздумали!"

Нам нужно сделать вывод, что этот человек не пользовался никаким авторитетом в стенах нашего института. Партийный комитет сделал правильный вывод, чтобы исключить его. Прослушавши все выступления я меня создалось впечатление, что Цибарту верить ни на одну иоту нельзя.

Тов. СИМОНОВ

Товарищи, я много не собираюсь говорить. Согласен с теми замечаниями, сделанными по адресу решения Партийного Комитета по вопросу Цибарта. Правильно, надо было давно его исключить из партии. Причем никто из нас никогда не хотел прятать того, что есть в партийном комитете. Надо прямо сказать, что с этим делом мы очень затянули, об этом всем известно. И в начале у нас не у всех было твердое мнение относительно того, что Цибарта надо исключить из партии. После того, когда целый ряд новых материалов поступил в партийный комитет, мы единодушно исключили Цибарта из партии и ни у кого из нас не было колебаний относительно того, быть ему в партии или не быть. Ошибка партийного комитета заключается в том, что мы с этим вопросом слишком долго тянули.

Не знаю, является ли оправданием довольно настойчивая попытка партийного комитета ставить вопрос о немедленном снятии т. Цибарта с руководства институтом перед РК партии? РК партии утвердила наше решение очень давно. Я не знаю, может быть об этом не надо говорить, но мы говорили об этом в отделе школ ЦК партии Макаровскому. Характерно все-таки. Макаровский сказал: подождите, да погодите, в общем дело утрясется, кандидатуры нет и т.д." Причем Цибарт говорит, что он был у Макаровского, и тот ему сказал: "Сиди, и не рыпайся". Известно, что теперь этого человека там нет.

Этот вопрос мы ставили и перед комитетом по Высшей школе. [И.И.] Межлаук не было – он уехал за границу. Был его зам. Волинский. И тогда у нас был разговор: "Фамилия очень неподходящая". И это оправдалось.

Таким образом у нас была попытка перед соответствующими организациями ставить вопрос о немедленном снятии, но она не увенчалась успехом.

Партийный комитет виноват в том, что он не потребовал немедленного принятия решения по этому вопросу.

Стоит-ли подвергать сомнению решение партийного комитета относительно того, что Цибарта надо исключить из партии немедленно? Мне кажется, что об этом просто говорить не следует, потому, что все товарищи, выступавшие на партийном собрании, утверждают правильность решения партийного комитета.

Тут говорили о том, что партийный комитет недостаточно подготовил решение для партийного собрания.

Правильно. Но я должен сказать, кто готовил к такому обстоятельному и длительному выступлению Цибарта, и кто повернул этот доклад на 180 градусов, и кто шел на это собрание с другими конспектами.

Вы видели попытку сорвать наше первое собрание.

/Дюкин[ов]: не передергивайте пожалуйста/.

Однажды шел разговор с т. Цибартом насчет того, что Дюков – зам. механика по ЦЭС'у получает зря деньги. Тов. Цибарт говорит, что его надо освободить – до каких пор это будет продолжаться?

После того, как Дюков смог оказать соответствующую действенную помощь Цибарту, он стал хорош. Я чувствую, что Дюков и Жебровский самым серьезным образом готовили материал Цибарту, для его выступления.

Цибарт знает, что Дюков обвиняется в троцкистском выступлении на партийной конференции. Вопрос еще не решен, и он берет его под защиту. Мы идем на уступку: человек защищает проект – даем ему возможность окончить проект. Но вместо этого Дюков собирается в командировку в Махач-Кала, берет 800 рублей на командировку, и до сих пор он здесь.

Смотрите каким образом все это используется. Когда был поставлен вопрос о том, что Дюкову поехать туда, Наугольников сказал – может быть на дорогу ему не хватит – надо дать ему рублей сто – ему дают 800 рублей. Это подтверждается поведением т. Дюкова на сегодняшнем собрании.

Мне кажется, что совершенно правильна постановка вопроса: со всеми безобразиями, которые имеются в нашем партийном комитете, надо разобраться. Мне кажется, что райком партии поможет нашей организации, нашему партийному комитету, чтобы все то нетерпимое, что имеет место в нашей организации не имело бы места, чтобы наша организация занималась теми вопросами, которыми надлежит заниматься. А мы, в силу того, что создались всякие такие нездоровые, ненормальные отношения между отдельными членами партии, убиваем много времени на то, чтобы разобраться в этих отношениях, и это очень пагубно отражается на работе в самом институте.

/ДЮКОВ: скажи о себе/.

Обо мне вопрос сегодня не решается.

/ДЮКОВ: мы поставим/

Вы мастера ставить вопросы.

Я считаю, что постановка насчет того, что надо основательно поработать в нашей организации, посмотреть, кто мешает ее движению вперед, необходимо. И очистить [очистив] нашу организацию от людей, которые тормозят ее развитие, мы сможем выполнить те задачи, которые на нас возлагает и Центральный Комитет, и наше Правительство.

Тов. ЗАЙЦЕВ

Товарищи, прежде всего несколько справок.

Первая справка в отношении тех выступлений, которые говорят о том, что в начале партийного собрания вопрос о Цибарте хотели сорвать. Как вы знаете, первым по этому вопросу выступал я. Я считаю, что такая постановка вопроса, как он здесь ставится – не партийная. Выходит, что, мы члены партийной организации, не имеем права высказать своих суждений по повестке дня.

Почему я считал, что вопрос о т. Цибарте было бы лучше и целесообразнее поставить после выводов комиссии, выделенной райкомом по этому товарищу? Я был убежден, что в связи с тем, что партийный комитет два раза выносил свое решение о т. Цибарте – один раз строгий выговор, другой раз его исключили – так, в связи с этим у меня возникал такой вопрос, что партийный комитет в вопросе о тов. Цибарте определенным образом колебался. А раз это так, если создана комиссия райкомом партии, то я считал, что не будет ущербом для дела, если партийная организация вместе с выводами институтской комиссии заслушает и выводы комиссии райкома. Такое у меня было убеждение и я его могу и имею право высказать.

Я не хочу здесь отвечать на те выпады, которые делал Головинцев, вроде того, что я дежурил у дверей кабинета.

/С места: а это было/?

Я скажу, что было и чего не было.

Вполне понятно выступление Головинцева здесь, потому, что я ему делал мотивированный отвод.

Я считаю, что работник он никудышный, а хороший болтун. И меня его выпады не задевают. И не украшают того, кто делал эти выпады.

В отношении моей поездки к Червякову. Я ездил на квартиру к Червякову. С чем ездил. С запиской о строительстве.

/С места: в 12 час. ночи/?

Сейчас не помню, но поздно ездил. Это было потому, что Червяков заявил, что он уезжает в Минск. Сейчас же этот документ напечатали, и я его свез. Я читал этот документ. Речь шла о законсервировании нашего строительства, о том, что ГУУЗ не дает денег на строительство.

Я не хочу отвечать на выпады Чутуева – они понятны. Я парторганизации говорил, какие у нас взаимоотношения.

Чутуев странно построил свою речь. Он крыл и тех и тех. Но факт остается фактом – Чутуев развалил работу, как парторг.

Перехожу к существу.

Я считаю, что Цибарт допустил тяжелое преступление в партии – это вполне понятно. Я целиком присоединяюсь к тем, которые говорили об этом и этот вопрос принципиально и политически ставили. И сам т. Цибарт понимает – безусловно понимать должен – что, подхалимничая перед Петровским, проявляя политическую слепоту при наличии того, что он был 20 лет в партии, он заслуживает тяжелого наказания.

Но вместе с тем я считаю, что когда здесь люди просто так дают этикетку "вредитель" и ничем не доказывают это, я считаю это неправильным.

Тут выступал Розендорф [Розендорн] – он бывший прокурорский работник, он знает, что требуется от прокурора

/РОЗЕНДОРН: только не от такого, как ты/.

А как он выступал? Здесь говорили о вредительских планах, о том, что Цибарт иллюстрировал документы наоборот. Все это требует большой проверки. Мне казалось, что вопрос надо решить при наличии всех проверенных документов.

Надо, например, проверить выступление Головинцева. Я ему не доверяю.

Я думаю, что комиссия, которая создана райкомом партии, выявит и разберется во всем этом.

В том числе и проверит все то, что здесь доказывали, но что по существу на партийном собрании не доказали.

В частности, вопрос об учебных планах. Надо конкретно разобраться, кто в этом виноват. Учебные планы утверждались комитетом ВШ, утверждались высшими организациями, поэтому надо во всем этом разобраться.

/С места: пусть ответит Зайцев – получал он деньги или не получал/?

Денег я сейчас не получаю. А когда я работал, за работу я деньги получал, и никакой демагогией здесь заниматься нечего.

Тов. НАУГОЛЬНОВ

Товарищи, вопрос о постановке вопроса о товарище Цибарте партийный комитет несомненно затянул, потому, что поручение партийному комитету фактически было дано в момент доклада и указаний товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме. С другой стороны, было решение, когда выбирали новый состав, ознакомиться и вскрыть те недостатки и решить, в частности, вопрос об обновлении хозяйственного руководства. Мы с этим вопросом затянули. Почему? Затянули именно потому, что с точки зрения руководства, его способностей мы много выявили в июле месяце. РК с нами согласился. Наша ошибка заключается в том, что мы потом недостаточно четко и крепко ставили вопрос о смене руководства.

В отношении партийности почему вопрос задерживали. Нас интересовал не только Цибарт, но и его отношение ко всему аппарату. С другой стороны, нас интересовал вопрос, чтобы поставить вопрос политики, не только хозяйственные вопросы. Хозяйственные вопросы для нас были ясны, а политические задачи мы решали по интуиции – у нас не было достаточных материалов, чтобы гнать Цибарта из партии. И постановление партийного комитета было такое, чтобы дать строгий выговор Цибарту, поручить Наугольнову и Симонову сформулировать решение и вынести на утверждение на следующее заседание партийного комитета.

После собрания по вопросу об исключении Лепке [Репке], после уточнения взаимоотношений его [Цибарта] с Червяковым, Кнориным, перед нами вырисовывалась фигура Цибарта окончательно. И на следующем парткоме мы поставили вопрос, чтобы пересмотреть вопрос о Цибарте в связи с тем, что был получен новый дополнительный материал. Поэтому на партийном комитете 13-го или 17-го числа мы единодушно вынесли постановление исключить Цибарта за потерю партийной бдительности, за подхалимаж, за антипартийные методы работы.

С другой стороны, после этого решения, которое было вынесено, был получен новый дополнительный материал.

Те прения, которые сегодня были, и дополнительный материал, который дал тов. Головинцев, заставляют иначе формулировать вопрос, так как эти дополнительные материалы были для нас не известны.

Сегодня я ставлю о нем вопрос как о вредителе. Мы должны ставить вопрос и о партийной бдительности, и о проведении вредительской линии в институте.

Теперь, в отношении партийного комитета. Надо оговориться, что работа партийного комитета на протяжении 5-ти месяцев, с момента выборов, проходит единодушно и работали все товарищи добросовестно и крепко. У нас не было отдельных противоречий, которые возникали бы на партийном комитете. Я дам себе отсечь руку – некоторые товарищи выступают и говорят, что было либеральное отношение со стороны партийного комитета к отдельным членам партии – неправильно, товарищи!! Не верно!

Когда стал вопрос о партийности товарища Цибарта, он стал вынимать из-за пазухи, что у него есть об отдельных членах партийного комитета. Это – не партийный метод! Больше того, он говорит, что они связаны с троцкистской группой. Раньше он не поднимал этого вопроса. А когда стал вопрос о нем, он стал этот вопрос поднимать.

Вопрос о Зернове и Ховахе мы будем разбирать особо. В отношении этого вопроса у нас было единодушное мнение.

Решение РК партии относительно секретаря партийного комитета у нас на партийном комитете было принято единодушно, никаких колебаний ни у одного из членов партийного комитета не было.

Нам нужно сейчас заняться вопросами, которые вскрыты на последних партийных собраниях, в отношении отдельных членов партийного комитета, мобилизовать партийную организацию еще больше на вопросы партийной бдительности, в особенности, учитывая, что наша партийная организация стала моложе. Поэтому здесь особая сплоченность, особая заостренность парторганизации должна быть.

Я думаю, что решение о Цибарте будет единодушным решением и благодаря помощи, которая оказана со стороны РК партии, парторганизация вскрыет все гнойники и наш ВТУЗ будет занимать одно из первых мест в Союзе, которое он и должен занимать.

/ВОПРОС: За что – то-ли освобожден, то ли снят с работы секретарь комсомольского комитета Головинцев?/

Я думаю, что это не имеет никакого отношения к делу.

СИМОНОВ

Товарищи Головинцевым было подано заявление в партийный комитет с просьбой об освобождении от занимаемой должности в связи с тем, что у него плохое состояние здоровья после операции. Партийный комитет обсудил этот вопрос и было принято решение не возражать против его посылки в ЗКП.

После этого поступил дополнительный материал, компрометирующий поведение т. Головинцева, партийный комитет свое решение об освобождении его от должности секретаря комитета комсомола оставил в силе и поручил двум членам комитета доследовать материал, который компрометирует Головинцева.

С МЕСТА: Скажите какой материал?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об этом в конце собрания.

Тов. АЙЗЕНМАН

Товарищи, десятиминутный регламент, конечно, не позволяет остановиться на целом ряде выступлений, да и нет особой необходимости в этом деле. Я думаю, что по ряду вопросов мы будем говорить в свое время особо подробно – вопросов было очень много, и вопросов, которые требуют существенного раз'яснения.

Я не буду останавливаться на вопросах учебной жизни, учебных планов. Много из того, что было сказано об учебных планах и программах, путаного, многое исходит из непонимания отдельными товарищами – но об этом не будем говорить...

Недочетов в учебно-производственном процессе, конечно, чрезвычайно много. Дело в том, что мы имеем огромное неблагополучие с руководством жизнью высшей школы, вообще сверху.

/С МЕСТА: Конкретно?/

Например, скажите, пожалуйста, нормально ли положение, когда на протяжении целого ряда месяцев почти не имеем ГУУЗ'а. Известно ли вам, в какой системе мы находимся?

/С МЕСТА: Имеется решение/

Никакого решения ЦК по этому вопросу нет.

Известно ли вам, что мы получаем директивы по одному и тому же вопросу и от НКТП и от Наркомаша?

Здесь очень много больных и тяжелых вопросов.

Мы имеем немало случаев, когда инициатива наших работников, наших профессоров в немалой степени игнорируется в тех местах, в тех учреждениях, где эта инициатива должна была бы проводиться, подхватываться – в смысле учета, планов и т.д. А мы проводили целый ряд установок по учебному плану без всякого анализа. Мы имеем чрезвычайно много недочетов. Я утверждаю, с полной партийной ответственностью, что во многих случаях, вопреки указаний ГУУЗ'а, мы не выполняли решений ГУУЗ'а.

Относительно тов. Цибарта.

Должен сказать, что слушая товарища Цибарта, о том, что ему не помогали – в этом я не сомневаюсь, но вместе с тем товарищ Цибарт делает очень серьезную ошибку, когда он пытается объяснить свое тяжелое положение и ВТУЗ'а лишь только тем, что ему не помогают в работе. Что это отразилось на работе ВТУЗ'а, – это несомненно. Но дело не столько и не только в этом. Дело в том, что т. Цибарт плохой директор, плохой руководитель.

На многих собраниях говорили, что тов. Цибарт не умел и не умеет подбирать работников. Это – истина, не требующая разъяснений.

/С МЕСТА: А может быть, даже – умеет?/

Видите ли товарищи, на сегодняшний день картина может рисоваться несколько иначе.

У тов. Цибарта один из крупнейших недостатков – это слепое, безоговорочное повиновение вышестоящим организациям, без критического анализа.

Как могло случиться, что директор не пользовался авторитетом у многих студентов и преподавателей? Это факт, о котором говорили здесь все товарищу Цибарту 6-8 месяцев назад и в частных беседах и в официальных. Иногда штурмовщина, иногда кампанейщина, иногда вольница.... Все эти факты имели место и многие товарищи переживали немало тяжелых минут.

Он передоверил целый ряд участков работы другим лицам. У целого ряда профессоров, преподавателей к товарищу Цибарту получилось недоверие. Даже сторож, который умер в Ильинских дачах, приходил и спрашивал: "Правда, что Цибарта снимают?" Вот насколько далеко это распространилось.

Относительно его партийности.

Сознательно или неосознанно, в результате слепого заблуждения, в результате ли слепого подхалимажа Петровскому, Цибарт помогал врагу народа Петровскому и его прихвостням.

Товарищ Цибарт не сигнализировал о таких серьезных вещах, о которых он говорил на предпоследнем собрании.

Тов. Цибарт об этом поздно говорит. Если Вы знали, что в нашем Вузе имеется троцкистская группка, о ней надо говорить, но эти факты были бы значительно свежее и из них можно было бы извлечь своевременно выводы, если бы Вы о них говорили раньше.

Вопрос об аресте Кривина Вам известен не сегодня и не вчера. Почему тов. Цибарт не поставил эти вопросы до его ареста?

Товарищ Головинцев сегодня рассказал о книге Гитлера...

/ЦИБАРТ: Это просто – ложь!/

Тогда надо привлечь Головинцева к служебной и к партийной ответственности. Но, если Головинцев заявляет, что в момент коллективизации Вы колебались, тогда на целый ряд недочетов надо взглянуть иначе.

Вот почему выразить доверие Цибарту мы не можем.

Во Втузе положение тяжелое, очень тяжелое. Ходит много разговоров... Эти разговоры льют воду на мельницу врагов, не способствуют здоровой обстановке во ВТУЗ'е.

Вот почему одна из первоочередных задач партийного комитета – скорее добиться разрешения этого вопроса, ускорить обновление руководства в институте. Без этого мы будем иметь очень много недочетов. Должен заявить, что вопрос стоит не только об освобождении Цибарта. Я считаю, что в нашем Институте надо освободить несколько товарищей, в том числе и меня, в том числе и товарища Зернова потому, что создалась такая обстановка, при которой работать невозможно.

Нам нужно освободиться от многих лодырей, которых мы имеем в нашем институте, от многих людей, которые не прочь покритиковать других, держа руки в брюки, а как пригласишь их работать, они не идут.

/ГОЛОС: Конкретно?/

Когда тов. Цибарт пригласил летом Зернова на любую работу, он не шел.

Именно потому, что мы не верили тов. Цибарту, он обязан был пойти в партийный комитет работать. Я далек от мысли приписать т. Зернову политическую связь с врагом народа Кривиним, я этому не верю, на сегодняшний вечер – я этому не верю, это чепуха!

/Смех/

Элемент осторожности не мешает...

Я считаю, что тов. Зернов боролся против Цибарта справедливо, но он допускал ошибку, заключавшуюся в том, что он иногда терял грань – где Цибарт, и где Втуз и объективно наносил вред не столько Цибарту, сколько Институту в целом.

Тов. КУЛАКОВ

Товарищи, я вынужден выступить вот по какому поводу. Здесь некоторые выступавшие, и, очевидно, товарищ Цибарт попытаются отвергнуть факты, о которых здесь го<ворил то>варищ Головинцев. Поверить, что это – ложь, трудно. Почему? Партийному комитету стало известно о этих фактах лишь в последнее время, в последние 2-3 дня. Значит тов. Головинцев, зная об этих фактах, вынашивал их в кармане, за что он должен понести, безусловно, партийное наказание. И выступать сейчас на партийном собрании и вымышлять какие то вещи для того, чтобы потом его ударили, – чепуха! Никто из нас на такую штуку не пошел-бы. Иначе говоря, тов. Головинцев, выступая, сейчас исправляет свою ошибку, которую он допустил. Кроме того, тов. Головинцев заявляет – если вам угодно – он может представить второго свидетеля, который был в Ленинграде.

Если бы этот вопрос был известен, когда партийный комитет решал этот вопрос, несомненно, у партийного комитета не было бы колебаний и решение его было бы острее.

Партийный комитет вопрос о Головинцеве обсудил. Головинцев имеет выговор от РК комсомола за имевшуюся растрату членских денег и поэтому решили его освободить от работы, в связи с поступившим на него заявлением по этому вопросу.

Тов. ГЛУХАДЕД

Я очень внимательно слушал и заключение комиссии партийного комитета, которое читал Кунявский, и слушал выступления товарищей.

От выступления Кунявского у меня создалось такое впечатление, как будто бы, человек бродил из угла в угол. Такая картинка была в печати – как готовилась комиссия по разоружению Цибарта. Я не мог уловить ни одного конкретного факта. Эта работа делалась в течение нескольких месяцев. Они хотели показаться героями или гениями, но я один точнее мог бы изложить факты, если бы у меня было искреннее отношение к делу.

У меня буквально трепетали мои нервы, когда я слушал выступления Симонова и Наугольнова – я выкурил 4 пачки папирос, потому, что в их выступлениях я не слышал слова большевика.

Все выходили и говорили, что Цибарт вредитель. Пусть это будет так. Но, товарищи, я работал машинистом на паровозе – небольшое дело мне поручили водить поезд. Но если я своим невнимательным отношением мог покалечить жизнь людей только в одну минуту, то тут калечили людей в течение долгого промежутка времени и основательно. А Айзенман говорит, что на сегодня у него о Зернове нет данных, но завтра он скажет. Что это говорит – большевик, или просто человек вышел?... Да потом я считаю, что это я его вызвал сюда.

Я недавно работал на паровозе, и вижу, что одна деталь лопнет, и будет конец всему этому делу. Я приехал и сказал об этом. "Ничего, давай, об'езжай". Я считал, что я искалечу жизнь людей, поэтому я пошел в НКПС, пробился туда и доказал, что нужно вывести паровоз на два часа из строя и отремонтировать. А тут мне не могли ничего сделать.

Я не слышал от нынешнего руководства слова большевиков, потому, что все выступали и говорили: "Цибарт творил чудеса".

Товарищи, вы меня извините, а где вы то были?

С момента перевыборного собрания я не слышал ни одного решения ни по одному пункту – что выполнено и что не выполнено. А Айзенман даже сейчас сообщил, что он не знает при каком наркомате мы находимся.

Я не допускаю никакого снисхождения партийному комитету. Тут нужно было ходить вплоть до ЦК. У Симонова полнейшая аналогия с Цибартом. Он говорит: "мы обращались в МК

Я товарищи, потому и последним записался, что у меня терпения не хватило. Можно обижать человека, можно обижать группу людей, но обижать дело никому не дано. Сам же Симонов призывал в своей статье наладить все беспорядки, а сам?...

Вы меня извините товарищи... Я, как член партийной организации, оказывается не имею право услышать, какая перестановка произошла в партийном комитете.

Прежде, чем обсуждать дело Цибарта, его деяния, я должен знать, кто руководит парторганизацией. Я не должен питаться корридорными слухами. Забродский может выступать, лавировать и выводы делать неплохие. Но вчера он чудачком прикинулся, что спутал информацию с обсуждением.

Я вношу предложение – на одном из ближайших партийных собраний, т.к. нельзя отрывать деятельность Цибарта от деятельности всей системы управления нашим учебным заведением – поставить этот вопрос. Нам нужно извлекать уроки. А какие уроки я могу извлекать из одной оплошности, шляпности Цибарта?

Партийный комитет работает 9 месяцев и он должен был узнать все факты раньше. Я сам приходил в партийный комитет, приходил к Айзенману, но все оставалось по прежнему.

ЦИБАРТ.

Несколько справок.

О том, что Головинцев здесь выступал, – для меня понятно, потому что роль и фигура Головинцева в нашем институте в ближайшее время выявится.

Относительно коллективизации и колебаний. Просто поглядел человек в потолок, и выдумал. Справка. Когда была коллективизация в 30 году, я был членом Московской Контрольной комиссии и был послан в совхоз в связи с организацией МТС. Был в Тульской губернии, в деревне Дроково. Работал по посевной кампании. Это просто выдуманно, что у меня были колебания по коллективизации. Именно после 30 года меня посылали на это дело.

Второе – относительно книги Гитлера. Откуда и почему Головинцеву это надо выдумывать? Был разговор о том, что я смотрел книгу Гитлера и читал некоторые места. И как раз Головинцеву, как комсомольцу правильно, партийно объяснял это дело, как они мерзавцы ставят этот вопрос. Так Головинцев здесь выступает и говорит, что Цибарт говорил, что надо эту книгу распространять среди молодежи.

Я думаю, что правда в нашей партии все-таки возьмет верх. И кто тут работает в институте и кто проводит подлинно вредную работу, это выявится.

Меня обвиняют в том, что я поздно стал говорить и кричать, когда на меня подали заявление. К сожалению, или к счастью, это неправильно, потому что это не соответствует действительности. Посмотрите, что я писал т. Андрееву в апреле этого года. Посмотрите, что я писал Николаю Ивановичу...

(Наугольников: после того, как поставили вопрос о тебе на парткоме)

Нет, не после. Это тебе так хочется, т. Наугольников.

Есть люди партийные, неопороченные, которые могут подтвердить это. А сейчас рисуют меня как вредителя, с которого маска не сорвана. В партии я сидел столько лет, партия мне доверяла, и вдруг я представляю из себя вредителя.

Я вам показываю документы, а вы мне говорите, «юридическое оправдание». Все можно сказать. Как раз в этом деле, строить или не строить – должны быть документы. Я пред'являю вам счета – «юридическое оправдание». Я не понимаю! Зачем это нужно? Кому это нужно? Я понимаю: если вы меня исключите из партии и я буду понимать – за что... Я по своей работе многих исключал из партии. Если человек осознает, за что его исключили – это правильно исключили.

За что меня надо было бы может быть исключить из партии? Я об этом говорил, и сейчас повторю в своем последнем слове.

Я в этой общей атмосфере, которая существовала в системе высших учебных заведений, я не сумел найти достаточно мужества для того, чтобы бороться с Петровским, для того чтобы ставить вопрос о Петровском. Больше того, я пошел на подхалимство, повесив его портрет из-за каких-нибудь нескольких десятков тысяч рублей, которые ВУЗ получил. Тут тоже путают это дело, оспаривают, но это никак не оспоришь.

В этом моя большая вина. Если я за эти ошибки должен быть вне партии – я пойму, соглашусь. Но приписывать мне вредительство, связь с Петровским, Червяковым и Кнориным и т.д. – это просто противоречит указаниям, которые дал т. Сталин. Потому что нет оснований ни фактических, ни моральных.

Вспомните, как приглашался сюда Червяков делать доклад. Что – я его что ли приглашал? Вот кто мне говорил – пригласи, пригласи (показывает на впереди сидящего товарища) а Головинцев и Зернов выступают: Цибарт был связан с Червяковым 15 лет. А один даже говорит: с женой Червякова был связан.

Верно, звонила Червякова сюда по телефону. О чем звонила? О своих дочках. Вы же сами понимаете... Нужно соблюдать известную объективность.

Я повторяю. Я согласен нести ответственность, даже исключение из партии, только за то, в чем я виноват.

Цибарт развалил учебный процесс и хозяйство... Опять таки в этом надо разобраться.

Если вы возьмете все то, что говорят здесь Зернов, Головинцев и другие из этой группы, что получается? Вы можете быть недовольны – это останется моим убеждением. С таким убеждением я уйду, с этим убеждением я буду выступать везде и это убеждение я буду защищать... Хотя поздно, но буду защищать... Зернову надо было прямо сказать – когда он помогал этому троцкисту Кривину. Вероятно, он скажет, когда будет стоять вопрос о нем. Я убежден в этом деле. Вы у меня убеждения в этом не отнимете никак. Время покажет. Я считаю, что в этом вузе организация работает очень замаскировано. Факты я представил туда, куда следует – разберутся. Я

думаю, что окажусь прав и в тоге замаскировавшегося, я думаю, я не окажусь. Партия, возможно, меня жестоко накажет. Я всегда активно боролся за линию партии, боролся за поднятие вуза, но у меня очень много недочетов. Недочеты за все эти восемь лет, если их сложить в кучку, они, может быть, и меня заслоняют. Согласен с этим. Может быть, товарищи, которые мне советовали уйти через 4-5 лет, они были и правы, потому что человек за 8 лет наделает еще больше ошибок.

Глухадер был прав. Посмотрите, как другие вузы нашего Советского Союза бьются над теми же самыми вопросами, над которыми бьемся и мы: о многопредметности, о целом ряде вещей. Так все это сейчас складывается в кучку – и в этом виноват Цибарт. Ведь мы с Айзенманом не раз ставили эти вопросы и много раз не подчинялись Комитету по высшей школе.

В чем я виноват – я сказал. Это ошибка политическая и для меня непростительная. А всякие вещи – связь с Петровским, Кнориным, Червяковым, Репке, коллективизация, и то, что придумал Головинцев, что я хотел Гитлера пропагандировать среди комсомола – я все это я решительно отмечаю.

И нет основания верить Головинцеву именно сейчас, когда в ближайшее время станет вопрос относительно его дел в комсомоле – а это должно было стать предметом разбирательства очень давно.

Вопрос относительно родственников, относительно соцпроисхождения. Даже Сережа Шевяков, и тот говорит: «подвергаю сомнению. А не есть ли Цибарт может быть провокатор».

Я все время пишу, что отец мой, во первых, не рабочий ткач, а рабочий-литейщик лодзинский, который лет 15 занимался этим делом, а потом пошел вагоновожатым на трамвай.

Почему Цибарт и его брат получили образование? Нельзя же с одинаковой меркой подходить к тому, что имелось раньше здесь в России с тем, что было там. Я получил образование только потому, что знал язык. Когда я приехал сюда без гроша в кармане, в Москву, я занимался только тем, что репетиторствовал, а потом поступил к Ушакову [Ушкову В.А.], получал квартиру, все готовое и плюс 25 рублей в месяц и занимался с его детьми по всем предметам, в течение нескольких лет.

Когда я учился в средней школе, книги, одежду мы получали от благотворительного общества. Там был пастор Штиллер, который собирал одежду у детей фабрикантов, а потом нам отдавал. Тяжело было. Отец мой получал 60 рублей в месяц, будучи вагоновожатым на трамвае.

(С места: это много)

Там так платили.... Жили, пробивались и всем детям давали образование.... Не верите? Тут есть в Москве люди, с которыми я вместе учился. Один из них Аренштам [Аронштам], он был членом комиссии партийного контроля, сейчас не знаю где он. Он учился в Лодзи со мной вместе.

Брат и отец уехали... Я же их сюда вызвал. Устроил на работу... Уехали! Почему уехали? Почему не вернулись? Я писал. Я думал – Шевяков говорит правду, когда я просил написать им и он сказал, что писал. Во время обмена партийных документов я сказал Першман, что не знаю – где мои родители, она меня поругала и сказала, что надо узнать, посоветовала мне даже написать в постпредство.

Обстановка, которая создавалась в институте за последние три года, очень тяжелая. Обстановка эта еще более обострилась в связи с той политической ошибкой, которую я совершил последний год. И не только работать мне в этих условиях тяжело. Но я считаю, что парторганизация имеет полное основание во многих вещах, связанных с моей работой, сомневаться, но я не считаю, что нужно подходить так, как подходит Розендорф[н], что мы имеем дело с вредителем, который перекарсился и действует таким методом.

Я думаю, что с вредителями мы будем говорить, и фамилии их будут фамилии друзей, которые вылупились из личинок, которые здесь положил Кривин.

Стр. 136 стенограммы (лист 172)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Есть предложение Цибарта исключить. Других предложений нет?

ПРИНИМАЕТСЯ (187 голосов за и 1 воздержался)

Есть предложение: исключить за связь с врагами народа Петровским и Червяковым, за засоренность аппарата, за вредительство в учебном процессе и за связь с за-границей.

ПРИНИМАЕТСЯ /за – 168 голосов. Против – нет/

...

Есть предложение: поручить президиуму средактировать решение и довести до сведения следующего партийного собрания.

ПРИНИМАЕТСЯ.